

Бескрайние тропы

16+

Анна Щедрина

Анна Юрьевна Щедрина

Бескрайние тропы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67480136

SelfPub; 2022

Аннотация

Следуя по таинственным тропам за необычной сорокой, мы найдем маленький город, расположенный по ту сторону мира атлантической провинции в конце 1960-х. И этот мир совсем не так прост, как может показаться.

Анна Щедрина

Бескрайние тропы

Часть 1

Глава 1

Стрелки часов пробили полдень. Племянница Финдли была зачарована движением старинного механизма, передаваемого из поколения в поколение в семье Худ, и не заметила, как он вернулся домой после пребывания в городе. Она была глубоко погружена в свои мысли и попытки вспомнить вчерашний сон. Финдли не придавал этому значение, лишь напомнил о долге навестить бабушку.

Мериен Худ, бабушка Милдред и мать Финдли, увядала с каждым днем прямо на глазах: отчаяние закралось в ее уже немолодом теле, приводя все к большему страданию и беспомощному состоянию. Седовласая женщина начинала путаться в реальных вещах и забывать важное.

У Милдред было несколько обязанностей: домашнее хозяйство, забота о бабушке и уборка дома. Она постоянно ее навещала потому как Финдли был занят и часто уезжал в Сент-Джонс со своей собакой Селки.

Раньше, когда бабушка могла вставать с кровати, Мил-

дред замечала достаточно любопытные вещи: соль лежала в сахарнице, муравьи расселялись по всей кухне, и каждый мог увидеть следы грызунов по углам. Дом бабушки стал практически пустым, потому что все опасные предметы были спрятаны с видного места, чтобы она не нанесла себе вреда.

Иногда в дом Милдред и Финдли заходила очаровательная девушка, продавала им батон свежего хлеба и ягодный джем. Каждый раз, когда она приходила, пронзительный взгляд Финдли смягчался и, всегда застегнутый строго на все пуговицы, он спешил открывать дверь. Однако, его нерешительность и детальный подход ко всему препятствовали узнать хотя бы имя странницы.

Еда уже лежала приготовленная с собой для бабушки. Тепло одевшись, Милдред последовала вдоль знакомой тропы, усыпанной сухими листьями. Ветер усиливался, как только она шла в направлении к Фоур Корнерс, где и проживала ее бабушка. Этот путь позволял забыть обо всем, чтобы потеряться в мыслях и растворить их в шуме ветра.

Остановившись возле пошарпанной двери, дотронувшись до замка с очертаниями крылатого зверя, она прислушалась, как бабушка с кем-то общается. Войдя внутрь, Милдред никого не увидела кроме Мериен, которая продолжала бормо-

тать и прогонять кого-то, видимого только ей собеседника. После пары минут она начала говорить снова и снова, но затем резко прервалась, обратив внимание на Милдред.

– Бабушка? С кем ты разговариваешь? – никакого ответа не последовало, и внучка развернулась к кухонному столу, доставая еду из сумки и затем заваривая свежий чай.

Старушка отвернулась, вглядываясь в окно на серое и облачное небо.

– Было бы здесь лекарство, я бы вспомнила... – сказала она, посмотрев на птиц, сидящих на ветках огромного дерева. – Что? Где книга? Пропала. Где книга? Я спрашиваю тебя, где книга!»

После диалога с собой она не на шутку рассердилась; Милдред ненавидела это чувство, когда словно жжет в солнечном сплетении и когда теряется контроль над тревогой. Возможно, если бы Мериен не была прикована к постели, она яростно ударила бы по столу или того хуже. Но, несмотря на болезнь, Милдред приняла это смиренно и сделала вид, что все в порядке. В целом, все действительно в порядке, если не переоценивать важность этого.

Милдред позвала ее по имени, и, к ее удивлению, старуш-

ка ответила. Внучка покормила ее, пока аромат мятного чая с мелиссой разбавлял напряжение между ними.

– Благодарю, дорогая. Вкусно.

– Ты помнишь мое имя?

Старушка не отвела взгляда, но и не ответила.

– Ты помнишь меня? – повторила девушка.

После долгой паузы последовал ответ.

– Не ходи дальше. Будь осторожна. Что-то страшное может произойти, – и, чем больше она говорила, тем больше становилось понятно, что она переживает. – Не ходи туда. Ветер все изменит.

– Почему?

Но бабушка вновь хранила молчание. Забрав белье для стирки, Милдред ушла.

Свирепый ветер не утихал, а усиливался, не позволяя сделать ни шагу. Кто знает, что это было – вой волка или стон ветра – это секрет здешних лесов. Так случилось, что Милдред обнаружила себя в поле, которого в помине здесь не бы-

ло. И никто не мог подсказать, как можно было бы добраться до знакомой тропы, и почему ветер снова и снова заставлял закрывать глаза, теряя из виду узнаваемое место. Ко всему прочему, грянул гром, обещая неприятный путь домой. Но постепенно, все это исчезло вместе с грозой.

– Время. Оно меняется. – показался чей-то голос.

Сорока подлетела к ней.

Снова ты. – вздохнула Милдред. – Кажется, я переобщалась с бабушкой, раз теперь разговариваю с птицей.

– Не совсем. Все немного проще и в то же время сложнее – время меняется.

– Почему ты постоянно упоминаешь о времени?

– Твоя бабушка говорила о лекарстве?

– Откуда ты знаешь?

– Ну, знаю. Я знаю человека, который в курсе, как это получить, но для этого пришлось бы ему помочь.

– И что? Бабушке станет лучше?

– Возможно. Я не могу ничего обещать.

– И где я найду его?

– Я покажу дорогу. Но тебе надо определиться скорее, пока время меняется.

– Это все очень странно.

Сорока улетела, оставив ее в полной задумчивости. «Возможно» – слово, внушающее надежду, иногда даже слепую веру о том, что никогда не изменишь. Она рассуждала, что может бабушка и поправится, и что они могли бы жить счастливо как раньше. Возможно, никогда не поздно повернуть время вспять. Или нет...

Финдли ждал ее дома и разжигал огонь в камине. Понюхав запах дерева и потрескивание. Тепло окутывало своим гостеприимством. Уставший Финдли откашлялся и спросил:

– Как она?

– Также.

После молчания она решилась спросить:

– Финдли?

– Да?

– Она говорила что-то о лекарстве, вот я и подумала, может ли оно существовать или нет...

– Что? Нет, конечно. Кто сказал тебе эту чушь, что можно вернуть человеку память и рассудок каким-то лекарством? Не валяй дурака. – рассердился он. – Поверь, спасение заключается не в фантастическом лекарстве, а в заботе близких людей.

– Значит, думаешь, не существует? – спросила она снова, заметив его раздражение, будто он что-то знает.

– Забудь эту ерунду! Я не стану больше повторять!

Она бросила фразу, что будь у него жена, он был бы добрее и думала, что он не слышал, а он все слышал, но промолчал, нервно бросив дрова в камин. Милдред видела, что он знает что-то, потому что никогда так не выходил из себя из-за одного только вопроса. Она знала, какое решение должно быть принято до утра, и эта мысль наконец помогла ей

уснуть.

Глава 2

Ветер беспокойно стучал по окнам, как и волны били по скалам. Шторм затих, а потом снова разыгрался, предупреждая повредить какую-либо деталь дома. Финдли спал глубоким сном, Милдред же тревожно ворочалась в этот непрекращающийся дождь.

Люди в бардовых длинных одеждах, будто приглашенные на какое-то торжество или собрание, бросали взгляды на шумную стаю воронов, улетающих в грозовое небо. Кругом росли тыквы и было сотни фонарей, затем птица – красный кардинал или другое название, клест, подлетела сперва к Милдред, и вверх – и вверх, присоединившись к остальным. Свет угасал и сон растворился в ночной буре.

Проснувшись и собрав вещи, она ушла через заднюю дверь дома. Ожидающая ее сорока не произнесла ни слова. В конце молчаливого пути росло огромное дерево, возможно, дуб, окруженный туманом. Птица показала место, о существовании которого Милдред и не догадывалась.

– Сейчас я попрошу тебя об одном, Худ. Пообещай хранить молчание до того, как дорога окажется позади.

Трава и листья были сухими на этой стороне, как если бы здесь не было дождя. Осенний покров и почти увядшие растения были присыпаны снегом словно сахарной пудрой. Белый волк с фонарем в пасти появился из тени. Его призрачный, холодный облик заколдовывал, заставляя следовать и слушаться. Сорока поприветствовала волка, затем он обратился в призрачную даму. Милдред вспомнились слова из сказки, которую рассказывала ей ее бабушка в детстве, что плохим знаком является то, если призрачная женщина является в гранатовом ожерелье.

Милдред остановилась на мгновение, следуя за ней: повернувшись к путникам, женщина протянула клубок нитей. Если бы вещи не могли светиться в темноте, Милдред подумала бы, что нить соткана из ее волос. Призрак разбил фонарь и исчез также незаметно, как и появился; фрагменты стекла сложились в извилистую светлую дорогу. Нить выпала из рук и покатила по новому пути.

– Это – Безвремяе. – сказала сорока. Пересечение всех миров, которые ты можешь вообразить и о которых понятия не имеешь.

Милдред продолжала сдерживать обещание не произносить ни слова, тем более что все карты, как говорил Финдли,

раскрываются всегда в конце.

Никакого воющего ветра, только трава и деревья тихонько перешептывались под ним. Он приносил аромат сосен, сухой осенней листвы и дубовых желудей, а также костра, который все ближе давал о себе знать.

Это место находилось от какого-то городка Мелори, как потом поняла Милдред в разговоре у костра. Увидев гостя с сорокой, люди поприветствовали их. И среди них была та самая девушка, которая приносила им с дядей хлеб и джем. Она предложила Милдред сесть по правую сторону и чувствовать себя как дома. Внимание всех было на центральной фигуре – старике Блехерисе.

По другую сторону от Блехериса находилась его жена – Тильда. Она показалась Милдред сдержанной женщиной с примечательной прядью седых волос и недоброжелательным видом. Слева от нее сидел молодой человек – Рей. Он немного напоминал Финдли, как если бы дядя был не таким мрачным. Кроме того, он казался чуть старше других, но только юных мелорианцев. Все внимательно его слушали, когда он вещал о каком-то празднике. Кроме Милдред. Она пыталась узнать больше о каждом мелорианце у костра. Слово передавалось от одного к другому, дальше и дальше, переходя к самому тихому из них – парню по имени Парси.

Что ж, еще один житель городка был узнаваем для Милдред. Да, та самая девушка, что пригласила сесть рядом. Это милая Эмбериз, не раз приходившая в дом Худ, имя которой так и не узнал Финдли. Эмбериз проявила себя наиболее гостеприимно и убедила остаться в доме лесной ведьмы, как в шутку называли они Кайллик – мать Эмбериз, Рея и Парси, правда последний был сыном не по крови, но Кайллик любила всех вне всяких исключений.

Обо всем этом Эмбериз рассказала, пока они шли с зажженными фонарями по тропе к сонному Мелори. Она обещала отдать одну уютную отдельную комнату в домике лесной ведьмы. Между тем сияние угасающего огня вело разговор у костра к завершению. Когда все собирались расходиться, Блехерис подошел к Милдред.

– Я надеюсь, путь сюда был не очень утомительным. – он погладил свою седую бороду и улыбнулся. – Что ж, я помню, что ты пришла за лекарством для своей бабушки. Оно еще не готово, но думаю, завтра будет.

– Хорошо. Я могу подождать. Это для меня очень важно.

– Разумеется. Я прошу заметить, что лекарство может уменьшить затуманенное сознание и боль, но не факт, что

способно излечить полностью.

– Полагаю, это лучше, чем ничего.

– Без сомнений.

– Как мне отблагодарить вас?

– Хороший вопрос. Я хотел бы передать через тебя послышку, которую следует отдать одному человеку. И я предпочел бы рассказать об этом завтра.

– Хорошо.

– Отлично. Отдыхай. Эмбериз все тебе покажет, иди с ней. Надеюсь, тебе понравится наш городок.

Тропа вела к Мелори, и несколько фонарей освещали им дорогу. Город был спокойным сегодня, что можно было бы тихо уснуть в шелесте зелени и не заметить, как придет рассвет.

Глава 3

Будучи в комнате на чердаке, она хотела узнать больше и пыталась догадаться, кто жил в этой комнате. Цепляясь за

детали, стало очевидно – комната была заброшена в течение нескольких лет. Из большого окна можно было увидеть бушующие океанские волны: здесь их называли вечными водами. Возможно, только птицам известно, что там за горизонтом.

Рядом с кроватью стоял закрытый чемодан, который подменял кому-то прежде тумбочку. Еще здесь был самый обыкновенный стол со стулом. Ей хотелось бы заполнить пустое пространство, но она понимала, что она всего лишь гость здесь. Не стоит приходить в чужой дом со своими правилами.

Милдред начала трогать и рассматривать книги на полках. Взяв рукописную книгу с иллюстрациями, она уронила ее, а, попытавшись поднять с пола, ее руку оцарапала длинная когтистая кошачья лапа.

– Ай, больно!

– Как ты смеешь брать чужие вещи! – возмутилось существо из-под кровати.

– Кто ты?

– Тебе правда интересно? – кот оживился, – Вообще-то,

там написано о моей скромной личности! – добавило лохматое существо, вылезая из своего логово, переворачивая ей страницу. – Однако, обещаешь ли ты хранить молчание об этом мире, как если бы приходилось молчать о том, что еще не сделано?

Она кивнула в знак согласия, и кот отпустил бестиарий.

– Так ты брауни-кот. А выглядишь как обычный кот.

– Если ты не заметила, милочка, у меня весьма развит интеллект, я могу читать и разговаривать. А если бы не лапы, ты бы увидела мои каллиграфические способности. Меня зовут Бэкс.

– Почему ты живешь здесь один?

– Я тоскую... Тоскую по хозяину этой комнаты. – кошачьи глаза стали мокрыми.

– А кто здесь жил?

– Кот глубоко вздохнул:

– Тот, кого я знал лучше всех.

– Мне жаль... А где сейчас твой хозяин?

– Я не в настроении говорить об этом, Милдред Худ. Но ты можешь почитать книгу – мне все равно. Пойду-ка я в свое логово и не буду мешаться.

Ей было действительно жаль существо. В книге говорилось, что этот тип брауни верный, аккуратный и, в то же время, они как истинные кошки «сами по себе», а также не без доли лукавства (подчеркнуто жирной линией). Правда, по Бэксу не скажешь, что он достаточно чистоплотен, либо же он из-за своей печали так запустил свое логово под кроватью.

– Могу ли я помочь тебе? – спросила Милдред.

– Не знаю.

– А если я придумаю что-нибудь? Например, ты можешь переехать ко мне. Я живу со своим дядей недалеко отсюда.

– Я не знаю. Мне просто плохо. Но ты очень добра. Спасибо! Я думал, все люди или хвастуны, или лгуны, или жадины. Видимо, не все. Пойти с тобой не могу. Это стало бы предательством по отношению к моему хозяину, пока он жив. Лучше буду сидеть и ждать его под пыльной кроватью. Может он вернется, когда-нибудь. Не знаю...

– По крайней мере, я могу подмести. Где тут швабра?

Если беспорядок в комнате – значит, беспорядок и в голове; и наоборот: желая навести порядок в голове, следует убраться в комнате. Так говорила бабушка, когда еще могла говорить. Разве что коту от этого не легче.

Милдред увидела дверь в кладовку, и подумала поискать швабру внутри. Там было много чего, кроме швабры, в том числе и небольшая дыра между стеной и полом, ведущая обзор на комнату со свечами, травами и склянками. Послышался стук. Милдред видела, как Кайллих открывала дверь.

– Знаешь, может мы должны рассказать ей больше?

– Терпение – твой друг. – ответила Кайллих Блехерису, выразив искреннюю серьезность и озабоченность. – Иногда приходится принять то, что может быть неправильно. Но порой это заставляет двигаться дальше. Терпение. Время мудрее, чем ты можешь себе представить.

Обеспокоенная Кайллих надела очки, закутавшись в вязаную шаль, и предложила ему сесть. Она взяла колоду карт и стала раскладывать по одной.

– Перемена. Башня. – лесная ведьма встревожилась еще больше. – Смерть. Но... Она будет не напрасна. Карты говорят, это будет возможность вернуть что-то.

– Что нам всем делать? Как нам предупредить всех об опасности для города? Как, если мы даже не уверены, что это может случиться. – сказал Блехерис.

– Что ж...– углубилась она в свои мысли, глядя в окно. – У каждого есть тот, кому он доверяет. Иногда кто-то маленький. С парой крыльев. Пусть они и сообщат о вероятной опасности.

– Ты бы поверила?

– Даже если бы не поверила в это, по крайней мере, была бы готова.

Озадаченная подслушанным разговором Милдред покинула кладовку и добавила, что там нет швабры. И не расскажешь ведь никому, что она услышала – сразу подумают, что тебе доверять нельзя, раз ты шпионишь. Остается только догадываться, о какой опасности так переживали эти двое.

Тем временем, тысячи разных мастей птиц залетали в дома городка и щебетали, нарушая всеобщий покой. В таких

маленьких городах вести распространяются быстро, особенно плохие. Неверие иногда обходится очень дорого, если не поверить плохим новостям.

Глава 4

Это была самая солнечная комната в этом огромном доме с витражными стеклами и растениями кругом, а также массивным столом и стульями посередине. Кажется, здесь отмечали праздники. Лучи света просачивались так, что делали витражные изображения более живыми. Здесь царилла благоприятная атмосфера, вдохновляющая оставаться здесь на целый день. Густой лес скрывался за панорамой, пестрые листья на улице плавно покачивались, а другие танцевали в воздухе, не касаясь земли.

Эмбериз приготовила две чашки чая и за утро испекла ароматный пирог с черносливом. Оставив все на столе, она подошла к рисункам и стала проводить по ним рукой:

– Это не просто картинки. – она повернулась к Милдред в ожидании увидеть заинтересованность в глазах гостьи.

– Все они иллюстрируют легенду о Безвременье. Жили-были три ведьмы, сестры Норнс – самые талантливые прядильщицы, и каждая из них соткала книгу. Старшая сест-

ра сделала книгу земной стихии о тайных травах этого мира; средняя сестра – книгу огня; и наконец, младшая сестра соткала книгу воздуха, а это знание унаследовали мелорианцы, энчантеры воздушной стихии. Согласно вышеизложенному у каждого из нас есть птица-помощник. Говорят, есть еще одна книга, которая содержит темные знания. И если она попадет в плохие руки – неприятностей не избежать, наступят темные времена.

А еще, год был разделен на четыре основные части, точки поворота, – добавила она, касаясь другой иллюстрации. – Сейчас ночи становятся длиннее, природа увядает и ветер несет за собой перемены. Угадаешь, какой день подкрадывается сейчас?»

– Без понятия.

– Да ладно, не стесняйся, это несложно.

– Так ты умеешь делать что-то необычное, магическое?

– Ты об этом... Да, немного. Я сделала ловец снов для твоего дяди, чтобы он не волновался насчет твоего отсутствия. Пока ты с нами.

– О, это здорово! Спасибо! Я не знала, как бы объяснила

свой побег. Он бы злился, очень.

– Ничего он не заметит. Это ведь необычный ловец снов. А как зовут твоего дядю?

– Финдли.

– Красивое имя. Хотела бы я узнать о нем получше. А он всегда такой стеснительный?

– Ты первая.

– Что?

– Расскажи про мелорианцев.

– Что ж, у каждого есть какой-то дар, талант. Но его нужно развивать. Каждый день, без исключений, даже если очень устал – это не оправдание.

– А что это за птицы-помощники, о которых говорят? Какие они?

– У всех разные. Я была еще маленькой, когда встретила впервые свою птичку-овсянку.

Милдред снова рассматривала витражные картины. Она убедилась, что жизнь за пределами ее жизни продолжается, несмотря на болезнь близкого человека, и, несмотря на чувства, что тянут вниз. Ей хотелось скорее рассказать Финдли об этом месте. И возможно, бывать здесь чаще.

– Знаешь, – сказала Эмбериз, глядя в свою пустую чашку – Мне было бы жаль прощаться. Моя слабость в том, что я быстро привыкаю к людям. Я не уверена, что смогу придти к вам с дядей снова.

– Почему?

– Не знаю. Птицы-помощники тревожные в последнее время.

Милдред вспомнила разговор Кайллик и Блехериса, и неосознанно приложила руку к губам.

– Но сегодня все тревоги в сторону. Так ты знаешь, какой сегодня день? – ободряюще сказала Эмбериз, – Самайн. Одна из значимых точек года. Каждый год мы готовим фестиваль. Присоединяйся.

– Да, хорошо. Где это? И что там будет?

– Ты что, не слушала про подготовку у костра? Ты спала что ли, когда мы это обсуждали? – улыбнулась она. – В центре города, конечно же. Следуй за моей птицей, она подскажет тебе дорогу. Честно говоря, сейчас мне уже пора идти. Встретимся у Гаргульей башни? Звучит эффектно, правда? Хотя это всего лишь библиотека.

– Ладно. Я приду. Спасибо!

Возвращаясь на чердак, Милдред больше не слышала плача брауни и не беспокоила его. Она просто заправила кровать и стала собирать сумку, так как после праздника завтрашним днем, забрав лекарство для бабушки, ей следовало покинуть город и вернуться домой.

Глава 5

На улице становилось темнее пока Милдред была увлечена чтением бестиария. За окном вдалеке приходилось отвлекаться на вспышки молнии где-то вдалеке, больше напоминающее зарницу.

В центре города горели огоньки. С верхнего этажа ей казалось, что город был построен в лесу, и что каждое дерево продолжало расти на своем месте – такой вот зеленый этот Мелори.

На юге городка в заливе стояли судна. Какие-то дома при-
мыкали к другим достаточно близко, формируя внутренний
двор. Другие же были разделены и были примечательны на-
личием обвивающих пурпурных ветвей растений. Некото-
рые издалека были похожи на пряничные домики. И более
того, росло огромное количество яблонь. Везде.

Вся подготовка создавала особое настроение среди празд-
ничных свечей, фонарей и тыкв. Ароматы яблок и корицы
разносились из знаменитой местной пекарни «Трау». По-
всюду бегали дети, помогая закончить в подготовке яркого
городка. Суетливые жители толпились в самом центре под
мелодию местной скрипачки и бой барабанов, где, как ока-
залось, местные исполнительницы выстроились в ряд, чтобы
продемонстрировать ирландский танец. У многих были ча-
стично раскрашены лица, и, тем не менее, Милдред удалось
разузнать местных энчантеров, которые стояли у костра. Все
участники непонятной ей игры бросали по очереди каштаны
и орехи, после чего вспыхивали горячие искры.

– Мы уж думали, ты не придешь. – сказала Эмбериз.

– Что вы делаете? – спросила она, приветствуя их взмахом
ладони.

– Разжигаем костер желаний. – развеселился Рей, – Гляди, – он положил каштан в ее руку, – Брось и прошепчи то, что является исключительно правдой. Если пламя продолжит также гореть, значит это ложь, а если вспыхнет – правда. Истина подпитывает костер, делает его сильнее, и он набирается энергии.

– Ты так говоришь, словно он живой. А можно я скажу, только очень тихо?

– Как пожелаешь.

Она произнесла первое, что пришло ей в голову, и пламя вспыхнуло. Затем участники выстроились, и каждый стал прыгать через костер. Пока это происходило, Милдред оглядывалась по сторонам. Те, кого она теперь уже знала, начали танцевать в парах и небольших группах под вечерний фолк. Но Милдред оглядывалась, потому что чувствовала на себе чей-то недобрый взгляд. Почему-то Тильда стояла в тени и смотрела на нее, но, когда Милдред ее заметила, женщина исчезла из виду.

Дружелюбный и шумный праздник продолжался. Пирог, сладости и другие угощения можно было взять около Гаргульей башни. Милдред хотела взять кусочек яблочного пирога и пойти, но...

– Так ты идешь? – позвал ее Рей.

– Что? Куда?

– Прыгать.

– Зачем?

– Если хочешь, чтобы твои желания исполнились, тебе следует преодолеть все страхи, взяв под контроль свое намерение. И прыгнуть.

Он показал ей, как каждый прыгает через «сытый» костер, что в этом нет ничего страшного, и что он за всеми пташками всегда присматривает, и никогда никого не даст в обиду. Было в нем что-то безрассудно бесстрашное, поэтому за ним хотелось следовать.

Шум музыки и людей стал для нее приглушенным, и взяв себя в руки, она сделала прыжок через костер.

Среди сотен огоньков и доброй музыки, праздник шел до полуночи. После чего ребята направились к дому лесной ведьмы, шутя и болтая. Они ушли даже немного раньше, потому как знали, что кое-кому завтра рано вставать.

– Заходите. – прошептала Эмбериз, повернув ключ в двери.

– Как давно я здесь не был! – сказал Парси, который вместе с Реем уже не жил здесь несколько лет.

– Потише! – поправила его сестра.

– А помнишь... – начал Рей, но Эмбериз его прервала, намекая на то, чтобы он был еще тише, таким образом у него вылетело из головы, что он планировал сказать.

– К сожалению, пришло время прощаться. – Эмбериз взяла что-то с полки, – Завтра тебе пора возвращаться, Милдред. Держи, – вздохнула она. – Кайллих передала тебе лекарство.

– Ты серьезно? – возмутился Рей. – Ты даже не спросила, может она хочет остаться еще ненадолго.

– Вообще-то, мне правда пора идти. – вмешалась Милдред. – Спасибо тебе. Всем вам. Вы отличные ребята из этого удивительного города.

– Здесь есть кое-что еще. – вмешался Парси, поправляя

свои очки. – Блехерис просил это пока спрятать подальше от Мелори, затем передать кому-то.

– Да, помню. А что это?

– Мы просто рассчитываем, что ты пока просто унесешь это отсюда. – ответил Рей так, что она поняла – лучше не задавать лишних вопросов.

– Что ж, спасибо за гостеприимство. Надеюсь, мы скоро снова увидимся. – сказала Милдред.

– Береги себя. – попрощался Парси.

Братья ушли, а Эмбериз пожелала ей доброй ночи и напомнила, что ее можно найти в третьей комнате после входной двери, если вдруг ей что-то понадобится.

Мелорианцы – добродушные люди с открытым сердцем и никаких сомнений – здесь Милдред чувствовала себя как дома. У девушки действительно была вера, что когда-нибудь она вернется. Возможно, она и пожелала это, прыгая через костер. У каждого есть что-то важное, во что он верит, и каждый засыпает с этой мыслью, что желание исполнится, и именно это заставляет нас просыпаться по утрам и двигаться вперед.

Глава 6

Уже знакомая сорока сидела на пороге в ожидании, и они молча двинулись по тропе. Ей было всегда не сложно вставать так рано, пока все спят. Так печально терять это красивое место, этих местных жителей, разве что бой волн вечных вод отвлекал от серых мыслей.

Туман покрывал все вокруг после дождливой ночи, и капли воды долго держались на папоротниках. Лес спал, как и дикие, еще не совсем увядшие растения. Холодные капли падали с деревьев прямо на кожу, отвлекая. Путники двигались тихо вдоль мерцающих деревьев в тумане.

– погоди! – остановилась Милдред. – Я забыла вернуть бестиарий.

– Забирай. – ответила сорока. – Пусть это будет твоим подарком из Безвременья.

– Ладно, спасибо. Хотя я не уверена, можно ли... Я просто думаю, кто мог ее сделать? Иллюстрации кажутся такими настоящими. И все эти существа действительно живут в Безвременье?

– Ну, полагаю, все существа могли встречаться автору, или он мог слышать о них от кого-то. – ухмыльнулась сорока.

– Он?

– Или она.

Огоньки вчерашнего фестиваля остались позади, ветер пошатывал корабли в заливе. Туман скрывал эту часть мира – фантастический вид!

– Вот мы и пришли. – сорока приземлилась на землю, осмотрев место, где горел костер и где Милдред Худ впервые познакомилась с энчантерами. – Дальше дорогу знаешь.

– Спасибо! Надеюсь, еще увидимся. Удивительное у вас место. Не думала, что если отойти дальше от бабушкиного дома, можно открыть для себя так много всего. И у меня никогда не было друзей с парой крыльев, как бы нелепо это ни звучало. Спасибо!

– Всегда пожалуйста. Забыл представиться. Меня зовут Вран, вообще-то. Прощай, Милдред Худ!

– Стой! Как насчет напутственных слов?

– И то верно, может никогда и не увидимся.

– Почему? Что-то не так?

– Это не важно. Помни одну вещь. Ты всегда можешь сменить тропу, если захочешь. Без исключений. Правило трех: хочу, могу, буду. И удачной дороги!

Шаг за шагом, пока пара сорочьих крыльев не исчезла из виду на горизонте; шаг за шагом, пока не показался старое дерево; шаг за шагом, пока не появился бабушкин дом по другую сторону мира.

Она бодро вошла внутрь, но там никого не было. Будучи сбитой с толку, она побежала скорее к своему дому в ожидании встретить Финдли. Но и там никого не было. Только одно единственное письмо со знакомым почерком и особо выводимой «А» в словах. Прочитав это, ее энтузиазм испарился и разбился на сотни стеклышек – она заплакала. Потому что не успела вернуться, считая, что это ее вина. Она упрекала себя и ругала, так как думала, что все могло быть иначе. И даже задремала в слезах. Ненадолго...

– Не могло быть иначе. – послышался знакомый голос.

– Бэкс! Как ты тут оказался?

– Не плачь Милдред Худ.

– Бабушка умерла. Я не успела вернуться...

– Чему быть, того не миновать. Ты нужна нам. Беда пришла в Мелори после последнего погасшего фонаря.

– Что случилось?

– Я существо немногословное, лучше покажу.

– Как?

Кот-брауни, притащив какую-то коробочку со странными вещами, и достав оттуда пузырек, который можно было найти на полке Эмбериз, выпив который, можно было увидеть сон вне времени и пространства.

Глава 7

Кто-то отчаянно упаковывал свои вещи и погружал в машину. Родственники ссорились, дети плакали: одни говорили, что все будет нормально, другие паниковали. Ситуация неопределенности заставляла переживать нечто неприятное и это чувство накрыло весь город вместе с предстоящей гро-

зой. Не все были внимательны к птицам-помощникам, и эти люди, закрывшись в своих домах, стали ждать, когда погода наладится. Но внимательные жители покинули город, обычно туда, где у них были родственники.

Погода действительно вела себя странно: то поднимался ветер и срывал все с петель, но потом сменялась необъяснимой тишиной. Эмбериз запретили выходить из дома, Кайл-лих велела ей собирать вещи, и девушка ходила по дому из стороны в сторону, думая, что еще она могла забыть.

Рей скептически отнесся ко всему происходящему. Спорить с ним было всегда сложно. Он показывал хороший пример своей целеустремленностью, но плохой пример своим упрямством. Он направился к берегу, скрестив руки на груди. Сорока села на ветку, напомнив, что ему стоит уйти отсюда.

– Брось, это просто паника.

– А если нет? У меня плохое предчувствие. – волновалась сорока.

– Я не верю предчувствию птиц.

– Даже мне?

– Это другое. Мы же прекрасно знаем, кто ты на самом деле. Ты просто младше для меня, уж извини. А шторм закончится также, как и всегда.

– Но Кайллик говорила...

– Ты просто не помнишь, как часто она ошибалась. Она бывает слишком суетлива. Я не удивлюсь, если она была причиной всеобщей паники. Она много чего говорит, а других часто не слышит. Однажды ты вспомнишь мои слова, когда встанешь перед выбором – послушать ее и потерять что-то или поступить по-своему и быть счастливым.

– Что ты потерял?

– Не важно. Не хочу об этом.

Буря стихла.

– Не нравится мне все это. – сказала напоследок сорока и стала улетать.

Птица двигалась дальше от берега, но ветер снова быстро набирал обороты, ломая засохшие деревья. До Рея теперь начало доходить, что пора покидать это место. Шторм вер-

нулся с нарастающей силой и волны снова били по скалам. Внезапный ливень помешал ему увидеть дорогу домой. Шаги превратились в бег, и они с сорокой почти добрались до Мелори, который был пуст, где оставались только брошенные дома. Но волна накрыла и это, сметая все на своем пути. Стекла трескались под давлением воды и один кусок стекла летел прямо в Рея, но сорока успела и приняла этот удар на себя. Пытаясь долететь за помощью с раной, она вылетела за пределы стихийного безумия и упала на землю в соседнем городе, где недалеко и стоял дом бабушки Худ. По эту сторону никакого урагана не было, только моросил дождь. Лишь одно место в Мелори не было затронуто – будто у дома лесной ведьмы стоял защитный барьер.

Милдред видела все это словно через водную гладь:

– Что это было?

– Беда.

– Мне очень жаль...

– Что? Тебе жаль? Ты же можешь все исправить, все изменить! Если бы не Мелори, если бы кто-то не указал тебе путь, ты не узнала бы о лекарстве для своей бабушки! Они помогли тебе! Никогда не поздно. Любая реальность может

быть исправлена, а мир содержит тысячи и более вариантов. Помоги же теперь нам!

– Я все равно не успела отдать это лекарство. Никуда я не пойду. Я слишком слабая...– плакала она. – И не могу ничего сделать, у меня нет на это сил. Что я могу? Мне жаль, что так вышло...

– Что? Но ты ведь тоже энчантер, Милдред Худ. Проснись.

– О чем это ты? – продолжала она всхлипывать.

– Твой отец был из Мелори, уж я-то знал его. Чья птица присматривала за тобой, пока ты росла?

– Красный клест?

– Да. И ты можешь сделать многое, как никто другой. Ты можешь спасти кого-то. Это я не могу, потому что я всего лишь кот-брауни, но ты... Ты можешь!

Она задумалась и это отвлекло ее от слез. По ее телу пробежал холодок. Красный клест приземлился на ее плечо и страх исчез, стало так спокойно...

– Даже бабушку можно вернуть?

– Может быть. Я не уверен. Хоть кого-нибудь! Я знаю секреты Безвременья. Знаю, что есть еще время.

– Что можно сделать? – спросила она Бэкса.

– Пожалуйста, открой bestiарий.

Она покорно достала книгу из сумки.

– У моего хозяина не было времени рассказать об этом кому-то. Там описание портала в неизвестность; согласно этому, на остров душ ведет тропа через земли неупокоенных. Это опасное и страшное место, не советую идти по Тропе Страха. Я положил одну дельную вещицу в твой карман, ты даже не заметила.

Она достала, увидев карманные часы с треснутым стеклом.

– Парси просил передать это тебе на случай, если ты захочешь вернуться в Мелори к нам. Правда судьба распорядилась иначе. С ними ты всегда можешь вернуться назад, только подумай об этом месте и зажми крепко часы. Ты всегда можешь изменить путь, если захочешь.

– Без исключений. – сказали они одновременно и Милдред поняла, что уже слышала это раньше.

– Для начала мы должны рассмотреть менее опасные пути. Давай почитаем... – замешкался кот. – Милдред? Худ?

Но никого не оказалось и никакого ответа не последовало. Кот-брауни остался один на один со своим замешательством.

Несколько невзрачных птиц пролетело по небу, как в одной народной примете: одна – к печали, две – к веселью, три – к похоронам, четыре к – рождению, пять – к добру, а шесть – к чертовщине, седьмой же к тайне, которая не должна быть никому рассказана. Кто знает, сколько птиц насчитала Милдред, отправляясь в путь. Но точно одного она заметить никак не могла: как один крупный суровый мужчина с седой бородой поднял раненую сороку и унес в свой темный дом в усилившийся дождь, как он ворчал о ком-то, кто никак не возвращался в такое тревожное время, вытаскивая кусок стекла из тела измученной, но все еще живой птицы.

Глава 8

Милдред оставляла свои следы на тропе, веря отметкам и загадочной карте в книге. Рифмованные строки побудили ее

направиться туда к северу от города. Любопытно, хоть один человек бывал здесь? Ей казалось – никогда; лес рядом с Мелори виделся более приветливым, а чем дальше от города уходила эта дорога, тем более мрачной она была. Споткнувшись обо что-то, она увидела вокруг себя поганки с зеленоватыми шляпками.

Хотелось бы верить, что здесь обитают всего лишь змеи, поскольку в бестиарии были и более ужасные существа. Лучше бы только змеи, хотя и сброшенная змеиная кожа среди паутины выглядела непривлекательно.

– Осторожно! – раздался чей-то скрипучий и негодующий голос. – Ты погляди, она мне крышу сломала!

– Потому что не стоит выращивать поганки посреди дороги! Сама виновата! – ответил второй.

– Сюда никто не ходит! Эта дорога – безрассудный путь к смерти!

– Извините, что прерываю вас обоих, но мне нужно узнать, как попасть на остров душ?

– Ты в своем уме? Это не самое лучшее место для прогулок, девочка. – одна из фэйри отвлеклась от спора.

– Да, но это мое решение. – не поддалась она запугиванию, сжимая карманные часы в руке.

– Ты что, самая умная что ли? Мост, ведущий в эти земли, охраняют гарпии, и тебе их не пройти!

– Интересно, как они еще только вас не схватили!

– Потому что у нас есть вол... – не успело второе существо договорить, как его приятель заткнул болтуна.

– Что ты сказал?

– А что ты прячешь в руке? Покажи!

– Не могу. Это подарок. – ответила взволнованно Милдред.

– В самом деле? – заинтересовалась фэйри. – Ладно, у нас есть волчьи ягоды, которые так обожают гарпии. Мы можем дать их тебе в обмен на тот предмет, что ты прячешь.

После паузы и глубокого вдоха, она отказала им, надеясь найти ягоды самостоятельно на Змеиной Тропе среди зеленых поганок, образующих кольца. Очертания моста заросли плющом, а грозные гарпии парили над ним, заглушая дви-

жение реки, исток которой находился в вечных водах.

Она откладывала время, оглядываясь по сторонам, ведь у нее не было ничего. Надо признать, что проказливые фэйри были правы. Она села на поваленное дерево, прижав ноги к груди, но услышала, как что-то упало. Это был узелок, выпавший из когтей хохлатой синицы. Милдред развязала это, и увидела свирель с выгравированной надписью «Роберт Кларк», а рядом сверток, где было написано «играй». Помощь из Мелори пропала так же быстро, как и появилась моментом ранее. Она взяла музыкальный инструмент и начала играть, помня о том, что всегда может вернуться, если смерть пожелает забрать ее.

Пока она играла, парящие звери игнорировали ее присутствие, и она забыла о страхе, проходя по мосту. Крики гарпий словно растворились в речном шуме и мелодии.

Достигнув конца пути, она ожидала спокойной дороги, и остановившись, перестала играть. Но ее ждало кое-что еще, еще один страх, когда не ожидаешь этого, еще одна беда, которая заставляет бежать прочь – разъяренная гарпия кинулась за ней следом, и уже готова была вцепиться в жертву. Из ниоткуда выскочила фигура, приказывающая Милдред скрыться, и все произошло так быстро, что раненая умиравшая гарпия уже лежала, когда Милдред подняла голову.

– Ты в порядке? – спросила девушка, которой удалось убедить ее от гарпии.

– Да... Спасибо!

– А я тебя знаю, ты – Милдред Худ?

– Да. А ты кто такая? – спросила недоверчиво Милдред, ожидая на каждом пути ловушки.

– Я – Хейзел. Живу не очень далеко от дома твоей бабушки. Я слышала о тебе.

– Странно. Я о тебе не знаю.

– Зато все знают моего отца.

– Что ты здесь делаешь одна? – спросила Милдред, держа в руке карманные часы.

– Ну, я хожу во сне, особенно в дни полнолуния и равноденствия. У меня всегда готова сумка для таких случаев, если я уйду куда-нибудь во сне. Здесь есть все необходимое. С виду не скажешь, правда? Но все помещается. Сейчас тебе надо спуститься немного вниз по ущелью, затем – по Чер-

ничной Тропе, мимо водопада слева и потом прямо, никуда не сворачивая.

– Ты так медленно и спокойно говоришь, я бы и сама уснула. Почему это я должна тебе доверять, что ты знаешь верный путь?

– Понимаю. Я тоже встретила здесь кое-кого, кому не верила, но потом поменяла свое мнение, и вышла к тебе навстречу. Значит, я иду правильно и скоро буду дома. Ты наверно ничего не ела, держи. – сказала Хейзел, доставая из сумки печенье. – Я сама пекла.

Встречи бывают странными. Но если это произошло, значит в этом был смысл, потому что иногда такая встреча может стать решающей и определить, куда идти дальше. Это может быть путь к бездне, наполненной разочарованием, а может стать возможностью и удачей. Иногда два пути пересекаются, но однозначно каждая несет за собой урок.

Распроставшись со странной девушкой, Милдред подумала, что остров такой же странный, как и эта встреча; что, если проклятие было иллюзией искаженного сознания беспокойных душ и в любой момент они могли стать свободны, пожелав этого. Но призраки этих земель выбрали страдания, и их выбор подпитывал остров, о чем и пели здесь тревож-

ные ветра.

Когда тропа заканчивалась, эти песни сменились на нежную, ритмичную мелодию варгана. Свет вспыхивал среди сосен ближе, чем виднелся закат. Здесь тропы и все кругом заполонило снегом, не позволяя никому пройти мимо этого костра. Шаман играл на варгане, а силуэты танцующих животных сияли над пламенем. Когда шаман заметил гостью, все остановилось.

– Что привело сюда смертную?

– Я ищу остров душ. – сказала Милдред, уже сомневаясь в его существовании.

– Правда. Это реально. Что если ты спасаешь того, кому суждено умереть?

– Я уже запуталась во всем этом. По крайней мере, я буду знать, что пыталась что-то изменить. И вернусь домой.

– Правда. Это ценный опыт. Мне нравятся твои слова. Мне нравятся твои мысли. Не каждый может найти меня и мои земли. Все прояснится, не бойся. То, что ты ищешь, есть в моей обители. Но тебе нужно отдать что-то взамен. – не торопился шаман. – Книга в твоей сумке не должна покидать

эти земли. Хочешь вернуться и вернуть, отдай взамен.

– Еще один вопрос, прежде чем я приму решение. О чем она?

– О призрачном мире.

После паузы он забрал книгу и приложил к губам руку в знак тайны. Взяв свой варган и играя, тени животных снова начали танцевать и от живого огня будто исходило тепло под непрекращающийся снегопад.

Глава 9

Подобие сломанного старого трамвая был запряжен черной хромающей лошадыю. Среди тумана, снега и серебристых елей летало множество птиц. На елях росли иглы судьбы, на каждой из которых было выгравировано чье-то имя. Опавшая серебристая игла означала смерть того, чье имя отмечено на ней. А новая игла появлялась, что говорило о чем-то рождении. На этих землях росли миллионы таких деревьев.

К конке подошло несколько человек, приблизилась и волчица, мгновенно обратившаяся в призрачную даму в гранатовом ожерелье. Милдред увидела знакомое лицо.

– Бабушка? Я так рада видеть тебя. Ты выглядишь здоровой... – не могла Милдред поверить своим глазам.

– Милая, я тоже рада видеть тебя, но мне надо торопиться.

– Но я пришла все исправить. Пойдем домой!

– Не могу. Мне жаль огорчать тебя, но мое время пришло. Я свободна и мне нужно двигаться дальше. – красный клест сел на плечо бабушки, и она передала его плачущей Милдред. – Она твоя. Береги себя, дорогая.

Конка тронулась, когда последний пассажир зашел в нее. Милдред увидела среди них еще одно знакомое лицо и, не задумываясь приблизилась, однако ее любопытство было наказано, когда один из стражей-воронов оцарапал ее своими когтями, не позволив подойти. Шаман пришел к ней с сорокой на плече из-за снежной пелены и сказал, что только одному суждено покинуть эти земли.

Это место исчезло – Милдред держала в руке карманные часы с сломанным стеклом и думала о месте, где ей больше всего хотелось оказаться. Но первая мысль была сильнее, поэтому она оказалась где-то рядом с Мелори. Никакого беспокойства не было, наоборот, стало тихо и легко, только

ко чувствовался голод и сильная усталость. Она вспомнила, что девушка давала ей печенье, но она не решилась его попробовать. Милдред увидела фигуры с фонарями и решила скрыться. Но это оказался Парси с кем-то еще.

– Хейзел, где ты была? Ты как стихийное... не важно, просто твой отец беспокоится. Он этого не показывает, но он с ума сходит, жива ты или нет. – сказал злобно юноша, который сопровождал Парси.

– Не кричи. Все в порядке. – с невозмутимым спокойствием ответила Хейзел.

– Она безнадежна.

– Что здесь происходит? – показала Милдред.

– Почему ты еще не дома? – спросил ее Парси.

– Это долгая история. Я домой хочу. Привет, Хейзел! Кстати, она спасла меня.

– Да ладно! – сказал Вран недоверчиво, но потом успокоился, потому что кто-то его слегка ударил.

– А еще я знаю, как уничтожить крысиный терновник, ко-

торый разросся на месте наводнения. – добавила Хейзел.

Хотя это было сказано тихо, все замерли, ожидая продолжения. Надо признать, что иногда она казалась странной, но умела попасть прямо в цель, сказав нечто важное. Разве что не вовремя.

– Цветок папоротника из Дикого Сада. Никто не слышал о нем? Ну, ладно. У меня просто было много времени для чтения в больнице. Кстати, хотите печенья?

Они пошли по направлению от Мелори в сторону поселения, где жили Финдли и Милдред. Но как оказалось потом, не только они там жили.

– Так ты – Хейзел? – спросила Милдред, поравнявшись с ней. – Ты тоже энчантер?

– Есть немного, в детстве мы какое-то время жили в Мелори, потом переехали.

– У тебя есть птица-помощник?

– Не знаю. Но думаю, это пингвин.

– Что, прости? – улыбнулась Милдред.

– Я никогда не встречала свою птицу, наверно, потому что пингвины здесь не обитают. – серьезно ответила Хейзел.

Тем временем Вран попросил незаметно достать Парси монетку:

– Орел или решка? Если выпадает орел, провожаешь Хейзел. Решка – Милдред.

Парси подкинул монетку, потом грустно вздохнул:

– Пойдем, Хейзел.

– Хорошо. Точно не хочешь печенья?

Вран и Милдред пошли по направлению к Нерепис. И он рассказал ей, что был уже долгое время проклят и заключен в тело сороки и, к удивлению Милдред, являлся еще одним сыном Кайллих. Он научился понимать птиц, а они его. Но чаще он предпочитал молчать.

Собака Селки, привязанная к будке, рвалась радостно встречать Милдред. Она поторопилась отвязать ее, чтобы она не начала лаять и будить Финдли.

Зачарованный ловец снов, сделанный Эмбериз, помогал Финдли сохранять спокойствие все это время – Милдред наконец увидела в окно, как он выглядел. Она рассказала Врану, как Финдли каждый раз ждет прихода Эмбериз, и дело совсем не в джеме с хлебом.

– Я спрошу своего дядю, думаю, он будет рад помочь, и кто-нибудь из мелорианцев, сможет пожить у нас.

– Спасибо. В любом случае, о нас с Парси можно не беспокоиться, нам есть, где остановиться. Но было бы замечательно, если бы вы смогли принять Кайллик и Эмбериз. В долгу не останемся.

Так и разошлись. Птицы поют там баллады о том, как опасны бывают бескрайние тропы и как много чудес там можно повидать. Главное не теряться в тех лесах, и придерживаться светлых мыслей и решений, иначе можно потерять себя так, что вернуться будет просто невозможно. Хотя вернуться при желании можно всегда. Без исключений. Только это будет уже совсем другая история.

Часть 2

Глава 1

Забывтый и покинутый в течение лет дом на Сансет-Вэл-

ли-роуд вновь перестал быть пустым. Он казался неприметным: то ли белого, то ли сероватого оттенка и красноватой дверью, в которой стабильно заедал замок. Сейчас он стал уютнее. До этого можно было сказать, что время всегда куда-то мчится, превращая важные вещи в менее важные, а старые дома умело превращает в пошарпанные коробочки.

Парси не думал, что когда-нибудь ему понадобятся ключи от этого дома, но, тем не менее, он их трепетно берег. В этих стенах он вырос и, казалось, они помогали ему даже на расстоянии, потому что в час отчаяния, он думал об этом месте, иногда он доставал ключи и подолгу смотрел на них, вспоминая те минуты, когда здесь обитало его счастливое детство. Правда у этого места была и обратная сторона, о которой Парси вспоминать не хотел: здесь умерла его мать, а затем его усыновила Кайллих, когда ему было всего тринадцать лет.

Парси умел разглядеть хорошее, но, в отличие от Хейзел, которая в принципе игнорировала все, что ей не нравилось, будто этого нет и говорила то, что думает, даже если незачем этого делать, то Парси так не умел. Вран говорил, что беда Парси в том, что он способен увидеть солнечную сторону в человеке, даже если кажется, что ее вовсе нет. Такие люди как музыканты, которые будут продолжать играть на скрипке, пока корабль идет ко дну.

Кайллик, подойдя к дому, где теперь жили Парси и Вран, обвела взглядом дорогу, ведущую к месту, где она знала одну женщину по имени Марго, с которой они некогда соперничали. Никто не знал, почему они недолюбливали друг друга, но, видимо, на то была причина. Марго уже давно покинула Мелори и вышла замуж за молчаливого Генри, который занимался ритуальными услугами, и единственным ребенком Марго была Хейзел. Как и Тильда, Марго была домохозяйкой, с которой они периодически встречались и сплетничали. Да, они были лучшими подругами, несмотря ни на что.

Именно тогда вдалеке Кайллик увидела знакомый силуэт: Марго куда-то торопилась, оглядываясь по сторонам. Лесная ведьма хотела проследить направление ненавистной дамочки из прошлого, но дверь дома, у которого она ждала, приоткрылась и пришлось войти.

– Привет! – поприветствовал маму Вран, заметив ее любопытство относительно того, что скрылось вдалеке. – Что-то ищешь?

– Нет. Так просто, показалось.

Почти с порога лесная колдунья стала рассказывать, как много хлопот ей предстоит сделать, успеть до завтрашнего

торжества и, честно говоря, рада немного отвлечься, придя сюда. Он показывал ей дом внутри, а она мысленно была будто не здесь. Он говорил что-то про работу Парси медбра- том и что он сегодня на смене; он говорил про ремонт, ко- торый Вран собирался еще сделать здесь, вспоминая с бла- годарностью старшего брата Рея, который его всему научил, но Кайллих вернулась из своей задумчивости только тогда, когда громко закипел чайник.

– Есть кое-что еще, что я хотел спросить...– сказал он, замедлив речь. – У меня есть сведения, что твой дом...

– Наш дом. – перебила она.

– Да... Так вот. Он уцелел после шторма. Конечно, он по- врежден и там растет крысиный терновник...

– Который очень опасен, вызывает сухой кашель и выде- ляет токсичные пары...– перебила она и не дала она ему до- говорить, задавив своей осведомленностью.

– Да, но я хочу вернуть его. И у меня есть предположения, что это возможно.

– Звучит безрассудно. Уж не пообщался ли ты с Хейзел? Она же немного того... Ну, не важно.

– Знаю, ты не любишь Марго, но это здесь не причем. Не буду никого защищать сейчас, давай вернемся к теме.

– Марго ненадежная, своенравная. Я просто говорю, что яблоко от яблони не далеко падает.

– Ну вот, опять ты об этом. Да не общаюсь я ни с кем, спокойно. Только с Парси. И да, кстати, она еще дочь Генри, а он – хороший человек.

Она согласилась и хотела продолжить, но Вран просил не отходить от темы.

– Я думаю, это все ложь, домыслы, фантастика, чушь... Не знаю, что еще. Не мог дом выстоять после такого шторма. Сейчас у нас есть уникальная возможность начать все сначала: без магии, без потерь, без всего этого.

Он понял, что именно она не хочет вспоминать.

– Никому не говори, но Эмбериз и Финдли завтра женятся не совсем просто так – у них будет ребенок. Также Финдли предлагают работу в другом городе и Эмбериз нужна будет моя помощь на какое-то время. Я еду с ними и хочу оставить здесь все плохие воспоминания, начать с чистого листа, по-

нимаешь?

– А Милдред?

– Конечно же поедет с нами! Мы же не оставим ее здесь одну. Что ж, ладно. Я пришлю тебе необходимые бумаги на дом, делай с ним, что хочешь. Уверена, там ничего не осталось, но может тебе удастся продать хотя бы землю, кто знает. Хотя уверена, ты зря потратишь время.

Еще немного пообщавшись, он поблагодарил ее и стал провожать, договорившись о деталях завтрашнего дня.

Не прошло и получаса, как в дверь снова постучали. Хейзел радостно поздоровалась, передавая ему пакет.

– Что это?

– Это мед от старушки, имя которой я вечно забываю, – сказала она, доставая банку, пока он жестом просил зайти и не стоять на пороге. – Твой брат просил.

– Да, точно. Он хотел внести свой вклад в завтрашнее торжество и сделать медовый торт. Правда с учетом того, что он вечно задерживается на дежурствах, боюсь, придется это делать мне.

Вторая банка выскользнула у нее и разбилась. Хейзел произнесла слово, которое нельзя произносить, но как считал ее отец, что если случай подходящий, то можно. Она извинилась за свою неуклюжесть и стала собирать осколки, разумеется, порезавшись. Вран раздраженно вздохнул и сказал, что пойдет искать аптечку. Последнее что он слышал, так это то, что она принесет еще одну банку с медом. Вернувшись в прихожую, он не увидел ни Хейзел, ни меда на полу, ни осколков.

Она же направилась в сторону того места, где старушка, имя которой она пыталась вспомнить в пути, продавала мед. Сокращая путь к той самой старушке, ей послышался знакомый голос. Он притаилась в кустах, забыв о парезе и о меде.

– Это сложно объяснить, но даже в большом доме я чувствую себя одиноко, Отто, – говорила Марго. – Я так больше не могу. В нем я вижу неприступную стену. Он не слышит меня. Мне кажется, у него вообще нет никаких чувств, эмоций. Может годы берут свое... Но я не готова стареть сердцем. Понимаешь?

– Марго, я готов пообещать тебе безбедную жизнь и... чувства. Я люблю тебя и не могу смотреть, как ты молчишь и страдаешь. Сегодня вечером я уезжаю и тебе нужно при-

нять решение. Ты заслуживаешь большего, и я могу дать тебе это. – убеждал ее дальновидный банкир, с которым у Марго и был роман, как догадывалась Хейзел.

Они поцеловались, держась за руки и Хейзел, сидя в засаде, снова губами произнесла слово, которое нельзя говорить, но если случай подходящий...

– Что насчет Хейзел? – спросила она.

– Она может тоже поехать, если, конечно, ее здоровье позволяет, учитывая ее проблемы со сном.

Пока они общались и постепенно удалялись, Хейзел пришлось ждать, когда наконец можно будет незаметно выбрать-ся и отправиться за медом. По возвращении в свою комнату, она обнаружила Марго, которая копалась в ее вещах.

– Что происходит?!

– Мы уезжаем, Хейзел.

– В смысле? – делала она вид, что не понимает, о чем речь.

– Почему у тебя все вещи темные?

Хейзел хотела выпалить: «Чтобы не быть похожей на тебя!»; но сдержалась.

– Я люблю Отто, и мы уезжаем. Я уже сказала все твоему отцу. Я решила, что мы уезжаем.

– Положи мои вещи. Я остаюсь, мне двадцать один и я сама решу за себя. Вечно ты за всех принимаешь решение, следуя чувствам... – сказала она спокойно, но слегка раздраженно.

– Я понимаю твое разочарование, – сказала Марго, – но ты еще слишком мала, чтобы понять меня. Вот вырастешь, поймешь!

– Это вряд ли. – прошептала Хейзел.

– Если передумаешь, позвони. Я приеду за тобой.

Марго обняла ее и, спустившись вниз, взяла с собой чемодан, вышла и села в машину.

Пока Хейзел относила обещанный мед к дому Парси и Врана, она думала о том, каким мылом отмывается запах предательства и злости. Постучав в дверь и оставив банку, она незамедлительно отправилась домой, застав отца с сига-

ретой.

– Хочешь закурить? Сегодня можно. – сказал Генри, взяв паузу.

После отказа, он продолжил:

– Знаешь, все равно я счастливый человек.

– Почему?

– Да потому что у меня на душе мир. Я честен сам с собой, с этим чувством я буду просыпаться, встречать рассвет в нашем городе и жить дальше, в ладу с собой.

– Ты как я.

– Нет, это ты как я.

– Я боюсь... А ты ничего не боишься.

– Чего же ты боишься?

– Я боюсь, что буду как она.

– Невозможно.

– Почему?

– Ты на нее не похожа, Хейзел. Иначе была бы ты сейчас здесь? Никогда ничего не бойся. Никогда не пытайся удержать то, что тебе не принадлежит, это все равно уйдет от тебя. Полагайся на себя, и будь в ладу с собой, так ты овладеешь внутренней свободой, а будучи таковой, твое к тебе само придет.

Кто знает, что Генри чувствовал сейчас, когда его предали, но главное для него было то, что тот человек, которым он действительно дорожил, остался.

День близился к концу и с новым днем наступал май. Все ждали май с нетерпением, потому что у всех были свои планы с самого ясного весеннего утра.

Глава 2

Бывают дни, когда думаешь, скорее бы этот день уже закончился, даже если не начинался. Устав от суеты Кайллих, которая боялась, что не все будет доведено до совершенства, для Эмбериз это был именно такой день. Шутку Милдред «что из шкафа вывалится, то сегодня и надену» не впечатлило Кайллих, и у нее появилась навязчивая идея превра-

тить невзрачную Милдред в красавицу. Обладая утонченным вкусом, ей это удалось. Но этого было мало, и Кайллих невзначай стала говорить о манерах; как нельзя делать, как категорически нельзя делать и «ой, все!» – как высшая степень разочарования. Кайллих также волновало, как будет отзываться обо всем Марго, ведь они соперничали столько лет. Она еще не знала, что та уехала с любовником, и что даже скромняга Генри не придет.

Торжество проходило недалеко от дома Худ, где под контролем Финдли за несколько дней был сколочен шатер, обвитый как беседка тысячами ветвей растений и грамотно расположенным светом.

Кот-брауни Бэкс подкрался к Хейзел, сидевшей где-то в сторонке. Она не особо собиралась показываться, чтобы избежать неудобных вопросов.

– Почему в такой замечательный день ты в черном?

– Всегда так подкрадываешься, не по себе становится! Ну, что сказать... Никто не вспомнил, что это смерть девичества невесты и рождение ее личности в новой роли. А еще черный – цвет невидимости, правда?

– Возможно... – сказал кот, увидев что-то. – С тобой ин-

интересно, но мне пора.

– Куда так быстро?

– Парси ищет меня, все еще сердится, что я подтолкнул Милдред отправиться в дикие места Безвременья.

– Это же было полгода назад! Да и не так уж там и страшно. Плавали, знаем. Какое это имеет значение сейчас? Выходит, постой. Где ты жил все это время?

– Я живу одновременно везде и нигде. Ха-ха! Столько интересного теперь знаю! Видимо, Парси к Милдред неравнодушен. Как и его брат, полагаю. То ли еще будет!

– Да ладно?

– Со слухом у меня все в порядке.

– Можешь спрятаться у нас, как раз место освободилось.

– И об этом я тоже знаю. Спасибо тебе! И не вешай нос, все у тебя будет хорошо, Хейзел!

Венчание, к удивлению Эмбериз, прошло быстро и пока ее мать суетилась, беспокоясь о вовремя поданных угоще-

ниях, заиграла скрипка, а многие вообще переключили свое внимание на очаровательную Милдред, что не могло ни радовать Кайллих, ведь она так старалась привести ее в опрятный вид. Лесная ведьма увидела Хейзел, как та собралась уже уходить и подошла поинтересоваться, где ее родственники. Ей не давало покоя то, что Марго она сегодня не увидела.

– Ты уже уходишь?

– Да... – сказала она, будучи замеченной. – Папе не здоровится сегодня. Вот...

– А Марго?

– Знаете, вру я отвратительно, в смысле не умею, так что быть может ответу в другой раз? Не сочтите за грубость.

– Ладно. Надеюсь, Генри поправится. – пожелала Кайллих, подозревая что-то неладное.

У Хейзел было свое «место силы» у реки, недалеко от орешника, и она ждала, что придет Милдред, так как обещала научить ее одной карточной игре. Но, поглядывая на часы, она догадывалась, что никто не придет. Покидая речное побережье, она заметила, как там сидит Вран вместе с

котом, и в этот момент вновь проявился ее неуклюжий талант: она выронила и рассыпала свою колоду Таро из кармана сумки, затем стала их собирать, надеясь, что все же никто ее не заметит.

Бэкс принес своему хозяину мешочек в зубах, сотканный из серебряных нитей.

– Что это?

Кот подвинул лапой, настаивая, чтобы тот открыл его. И он открыл, обнаружив внутри волчий клык Рея.

– Он хотел подарить его тебе до того, как все случилось. Клык помогает раскрыть способности того, кому принадлежит. Я замечал, как он приносит удачу. Завтра он тебе пригодится.

– Ты знаешь, что я ухожу? – спросил Вран, погладив кота в знак благодарности.

– Разумеется.

– Раз все знаешь, расскажи, что там происходит на празднике. После того, как меня там не было.

И кот стал рассказывать о куске торта, который ему удалось стащить; о лесной ведьме, что не давала себе повода присесть; о молодоженах, что скрылись вместе в удобный момент; о нечто добром и светлом, зарождающемся между его братом и девушкой, которая все же не надела то, что первое вывалилось из шкафа и о юной ведьме, выронившей и потеряв одну из карт. На рассвете, кот узнал еще одну историю о том, как юноша отправился в приключение найти то, что могло бы многое изменить или рискнув, все потерять.

Глава 3

Есть вещи, которые заставляют нас чувствовать себя лучше; есть вещи, которые делают нас увереннее. Для кого-то это достаток, для кого-то – поддержка близких, но иногда это просто какая-то вещица. И пускай она не стоит уйму денег, но с этим нам не хочется расставаться.

Для Рея это был волчий клык, он придавал ему храбрости и непоколебимое следование своим принципам. Талисман мог раскрыть внутренний ресурс, который дремлет глубоко внутри владельца.

Дом лесной ведьмы также стоял особняком несмотря на то, что всю остальную часть города разрушило и затопило. Что это за сила, способная остановить стихию, которая сме-

ла все на своем пути. Разве что крысиный терновник не на шутку разросся в здешних местах, отчего сбежались крысы, ведь для них этот сорняк лакомство.

Эта дрянь вызывала сухой кашель и другие неприятные симптомы, о которых Парси с радостью рассказал, если бы был здесь. Что-то большое и томное заслоняло дом, до которого крысиный терновник еще не полностью добрался. Но медленно пробираясь и разрубая заросли топором, Вран распознал Ньюфаундлендского Чертополохового дракона, который, по всей вероятности, запутался в оковах непослушного растения и не мог выбраться, поскольку при каждой попытке шипы терновника вонзались в него. Это удивительное существо с лиловым переливом словно северное сияние загорался проход, который так был нужен Врану. Он подходил медленно и не сводил взгляда с него, и будто псу протягивал руку, чтобы дать узнать запах. Он что-то произнес: будучи под заклятием, ему стали известны сотни акцентов крылатых существ. Затем он замахнулся топором и разрубил ветви, освободив дракона. Существо, расправив крылья улетело и вдалеке будто и вправду мелькнуло северное сияние.

В доме все было как прежде, не считая конечно поваленных с полок вещей и отсыревших стен. Любое жилище требует ухода. И если бы еще не ядовитые растения кругом...

Осмотрев свою бывшую комнату на втором этаже и открыв дверь кладовки, он был убежден, что самый короткий путь на развилку дорог в Безвременье ближе здесь, чем кто-либо мог предположить.

Все туманы вели в эти таинственные места. Теперь уже тихие волны как ни в чем ни бывало мягко бились о скалы, не сильно нарушая запах приморской безмятежности.

Ожидание считается одним из самых раздражающих периодов, особенно когда минуты превращаются в иную единицу времени. Но кто умеет ждать и кто овладел магией принятия того, что нельзя изменить, тот побеждает. Главное, поменьше оставаться наедине со своими мыслями, которые съедают тебя изнутри.

Через чистый холодный воздух слышался шум и к берегам причалил корабль, откуда спустился бородатый молодой или же зрелый мужчина с грустными глазами – по бородатым людям вообще непонятно порой, сколько им лет. А наверху были и другие моряки, наблюдавшие с недоверием за чужаком.

Его звали капитан Рейли, и получив свою долю денег, он добродушно поприветствовал гостя. Любопытные пираты возвращались в свои каюты. Направляясь за капитаном, ве-

щавшем о корабле, своей команде и недавно преодоленном пути к обители неведомых чудищ, капитан предложил выпить грога, от которого Вран готов был отказаться. Он сам так и не понял, получилось ли отказаться или нет, потому что было все равно налито, хоть он и не отхлебнул ни глотка. Капитан тем временем заговорил о боли души, о друге или больше, чем друге, который так и непонятно по какой причине погиб. Это история делала его глаза еще более грустными. Сложно было назвать это беседой, потому как Вран не успевал вставить ни слова, но он и сам был этому рад, так как не готов был раскрываться и становиться откровенным чужому человеку. А еще капитан оказался знатоком литературы, но начав рассуждать, его мысли прервал ворвавшийся моряк Сэм, по всей видимости, кому он больше всех доверял, и Сэм сообщил о пренеприятнейшей проблеме.

– О, морской дьявол! Что еще?! – прорычал капитан и двинулся к выходу.

На палубе без признаков жизни лежал матрос с глубокой раной; второй был жив, но крайне пьян, без сознания и с ножом в руке.

– Я же говорил, никакого алкоголя, пока не доплывем до Аками! – возмутился не на шутку Рейли.

– Я не уверен, капитан, слышал лишь краем уха, – начал за всех отдуваться Сэм, – Там было что-то про женщину из публичного дома. Я не уверен, но, вероятно, спор из-за этого.

– Понял. Тот самый случай, когда женщина на корабле к несчастью. И даже только разговоры о них, —сказал Рейли, дотронувшись до ботинка мертвеца, убедившись, что тот не шевелится после того, как все же проверил пульс и отсутствие дыхания.

Рейли объявил о внеплановой остановке на ближайшем острове, пока не стемнело.

И вот вся команда высаживалась. Двое по команде стали выкапывать яму и уже клали туда покойника, засыпав нетрезвое тело землей. Вран все еще пребывал в шоке от происходящего, но понимал, что если он пикнет о том, что правильно или безрассудно, то здесь может быть вторая яма и в ней было бы неприятно, сыро и холодно, хотя и это не имело бы веса, если болтун, например, мертв.

Капитан наблюдал спокойно как ни в чем не бывало, будто бы это происходило уже не первый раз.

– Что насчет Билли, капитан? – спросил Сэм.

– А он до сих пор без сознания?

– Да, капитан.

– Его удача... Что ж, оставим ему немного воды, спичек и ружье. Пусть подумает над своим поведением, когда придет в себя. Я предупреждал, что это до добра не доведет.

– Мы вернемся за ним?

– Это зависит от вас. Вы сможете спокойно смотреть в глаза этому человеку и быть уверенным, что завтра он не пырнет вам нож в спину? Крысы на корабле – к беде, и под этим я подразумеваю подлость и бесчестие.

Он направился к кораблю, называя его любя «морской пташкой» и все молча последовали за ним.

Вран расположился в каюте и ему даже удалось вздремнуть. Он стал понимать, почему пираты уважают своего капитана. Он также подумал об этом Билли, который весьма удивился бы, обнаружив, где он оказался и что сотворил. Есть ли у него желание жить или он, осознавая, что стал убийцей товарища из-за какого-то спора, выстрелит себе в голову? И будто в шум выстрела разразилась гроза. Сквозь сон Вран слышал голос Рейли и его команды, что нужно ско-

рее укротить «морскую пташку».

Все произошло так быстро, что Вран сам не понял, как оказался под водой. Стало тише, чем наверху, попытки всплыть были тщетны и последнее, что вспомнил Вран, были слова Рейли, выдержки из его любимой книги: «Да, человек смертен, но это еще полбеды. Плохо то, что он иногда внезапно смертен, вот в чем фокус!»

Глава 4

Дорога не заканчивалась. Несмотря на тьму и холод, он заметил домик на приступке, окруженными тысячеletними деревьями, черепами людей и невиданных существ вокруг, в которых горели огоньки.

– Ты заблудился? – неожиданно раздался скрипучий голос старухи, покрытой бородавками и отметинами с мертвецки-белой кожей и мутным взглядом, будто она смотрела сквозь тебя, отчего можно было ощутить еще больший холод по телу, но он догадывался, кто это и был убежден, что здесь и сейчас необходимо вести себя крайне почтительно.

– Не знаю. – сказал простуженным голосом Вран. – Мне просто жутко холодно. Вы могли бы мне помочь?

– Ну и ты помоги. Наруби дров, разожги костер. – сказала она, сосредоточившись на пучках трав, что кидала к гигантский котел.

Он и сам не заметил, как в руках у него появился его топор и беспрекословно стал рубить дрова, разжигать костер, который поначалу не очень-то и хотел разгораться.

– Главное, – сказала старуха, – сосредоточиться и целенаправленно применить силу. Так и в делах: если будешь расплываться на многочисленные дела, то можно упустить из виду не только возможность, но и саму цель.

Не рискнув что-либо отвечать, он следовал тому, что она говорила. И он согревался. Старуха поставила котел на огонь и нашептывая, помешивала варево.

– Теперь, самое время накормить моих гостей.

Он должен был расставить двадцать четыре миски подле каждого из светящихся черепов невиданных зверей. И с криком налетели вороны на угощение, коих было столько же, сколько и мисок.

– Желаешь ли ты пойти дальше или есть причина вернуться? – спросила у Врана старуха.

– Есть причина вернуться.

– Ладно. Будет время, и ты почувствуешь, когда это надо открыть. Береги ее, это твой долг. – сказала она, протянув книгу с тремя ремешками, – Хагал покажет правильную тропу. – и один из величественных воронов сел на ее костлявую руку. – Ступай. И пусть вода смое. Всю хворь, всю боль. Откуда пришло – туда и вернется, кто сотворил – тот заберет.

Вечные воды хранили в себе все: прошлое, настоящее и будущее. Там могло остановиться время или так, что оно пойдёт быстрее, и всегда складывается так, что чему быть, того не миновать.

Помнила ли в своем прошлом Кайллик, как к порогу ее дома сорока бог знает откуда принесла корзину с младенцем, как удивились пятилетние Эмбериз и Рей, и какое было мягкое одеяло с вышитым именем на нем «Вран Уоррен».

И мгновением волн вечных вод, в воздухе стало пахнуть иначе, а значит и время сместилось, где скрытная и закутанная в длинное пальто женщина пробиралась непроходимыми дорожками в горы к некой Варгамор, о которой ходили темные слухи, на грани сказок и страшилок для непослушных детей, которые не любят есть овощи и вовремя ложиться спать. О ней отзывались как об очень неоднозначной сущ-

ности, повелительнице насекомых каких-то далеких проклятых мест.

Когда женщина сняла капюшон и заговорила о боли, гнев, ревности, страхе потерять все, что она имеет, если вдруг Блехерис узнает о своем кровном сыне – она этого просто не переживет, утверждая, что она заслуживает любви, жить долго и счастливо. Варгамор не имеет интереса препятствовать желанию своих заблудившихся гостей, и для нее нет смысла призывать их к разуму, о вреде и последствиях подчинения души и воли, о цене, которую придется заплатить за зло и что долго и счастливо уже безвозвратно ушло вместе с эгоистическими намерениями той, что пришла к тьме за счастьем, отравив свою душу.

В картинках, воспоминаниях вечных вод сохранилось, как Вран стал понимать язык птиц, а когда кожа стала местами огрубевать, Парси настаивал, что об этом нужно рассказать Кайллиях. Но было поздно, когда уже в школе ему стало плохо и бросив все, он немедленно сбежал прочь. Брат тогда увидел лишь сороку, вылетевшую в окно.

Кайллиях проводила практически все свое свободное время, разгадывая этот случай и нашла ответ только в одной книге: сотворивший это зло, будет вечно скитаться на острове неупокоенных душ, а зеркало начнет отражать истину;

проклятие может кануть, однако она так и не узнала как, потому что от переживаний сама заболела. Позже эта книга бесследно пропала.

Да, вечные воды скрывали тайны прошлого, настоящего и будущего; вечные воды – это артерии времени, проникающие в каждое мгновение, называемое жизнью. Вечные воды не знали покоя.

Глава 5

Можно было ощутить дыхание утра среди шелеста травы с теплыми слезами росы. Откашлявшись от соленой воды, он убедился, что это было то место, которое он искал. Отдаляясь от берега, он замечал, как все больше пахло разнотравьем и дикими цветами. И там тянулась лишь одна тропа, поросшая высокой травой, ведущая к огромному дубу. Это был рай для насекомых и ад для тех, кто их терпеть не мог, особенно тех, что с крыльями, что порхали под лучами рыжего солнца.

Среди травяных кос лежал меч и распутав их, проникая в эти дебри, он схватил его: земля затряслась и начала грохотать. Резко отойдя от места, перед ним престал олень с ветвями того самого дерева вместо рогов и черными глазами, отчего нереальность зверя граничила с его внушительным

видом. И следом поднялось еще несколько фигур в латах – изувеченных мертвецов, что восстали из-под земли, что на странника набросились с оружием и силой, которой бы и живой позавидовал.

Защитники дикого сада, короля и руин замка вдалеке даже после стольких лет оставались верны себе. Когда смерть стала на шаг ближе, чем до этого, хотя Вран уже не понимал, жив он или мертв, последний удар был отведен стрелой из лука. Олень приблизился к тому, кто пришел на помощь, обратившись в призрака короля и протянув легендарный огненный цветок папоротника. На короля большее впечатление могла произвести не столько храбрость, сколько верность и взаимовыручка. Обладатель дара приблизился и передал цветок Врану, а мертвые исчезли, и на том месте снова не было ничего, кроме огромного дуба.

– Спасибо. – сказал Вран. – Но как ты здесь оказалась? Сюда ведь можно только доплыть!

– Если тебе известен только один путь, это не значит, что нет других. – ответила Хейзел и вздохнула.

– Только не говори, что ты...

– Я не знаю, но надеюсь, что жива. До этого я помню, что

переволновалась, а больше ничего не помню. Может уснула. Там были люпины. Да, там точно были люпины. Я не знаю. – она смотрела на свои руки и понимала, что скоро исчезнет. – Если это все же астральная проекция и я теперь хожу не только в реальности во сне, пожалуйста, разбуди меня!

– Ладно, ладно. Только я понятия не имею, как вернуться назад!

– Придумай же что-нибудь! Мой отец иногда говорит: «У тебя есть четыре элемента: вода, земля, огонь и воздух. На этом строится жизнь. И...»

Ему стоило отвернуть взгляд на мгновение, как вокруг уже никого не было, лишь бесконечные поля, солнечные согревающие лучи, жужжание насекомых. Он прилег на траву и понял, что ему что-то мешает: это что-то выпало из кармана – книжка с тремя ремешками, открывшая страницу, на которой она сама себя писала и давала подсказку в нужное время. Зачитав это, вместе с разбушевавшимся ветром к нему приземлился его старый приятель – Чертополоховый дракон из Ньюфаундленда.

С высоты были видны невиданные и неизведанные красоты, крошечные поселения – в этом мире находились все миры словно в большой энциклопедии. На месте прошлого

Мелори рос лес, а на краю одиноко стоял один единственный дом, окутанный ветвями крысиного терновника. Как только цветок папоротника коснулся земли, терновник загорелся необычным пламенем, не трогая кроме терновника ничего, лишь испепеляя и обращая ветви в пыльцу, стирая также границу между бывшим Мелори и местом Фур Корнерс. Кажется, территории Уэстфилд будет принадлежать еще один дом.

Встревоженная сорока пролетела мимо и за ней побежал Вран. Птица привела его к полю с люпинами, где мертвым сном лежала Хейзел под пасмурным небом. Он пытался ее будить, но она не просыпалась. Он заметил браслет с луком и стрелой, и его осенило: он снял свой волчий клык и надел ей. После этого она открыла глаза, и он с легкостью выдохнул.

– Мне снился странный сон. – начала она, не вставая и не отрывая взгляд от неба.

– Может встанешь и расскажешь?

– Нет, нормально.

– Здесь могут быть змеи.

– Нет, не могут.

Она стала рассказывать про дикие земли, но он заверил ее, что это был не сон.

– Оставь его себе, так будет лучше, – добавил он, показывая на клык, благодаря свойствам которого она проснулась.

Поблагодарив, она умоляла ничего не рассказывать Генри, особенно сейчас, ведь кроме нее, у него из близких никого больше нет. Она встала, схватившись за голову, потому что сделала это довольно резко. В глазах потемнело.

– Все нормально?

– Земля кружится.

– Может голова?

– Может.

Чтобы вовремя ее поймать, если вдруг она снова потеряет сознание, он взял ее за руку.

– Ты счастливый человек, Вран. У тебя есть брат, сестра. Мне вот всегда хотелось сестру или брата. Ведь даже если вы ссоритесь, вы никогда не сможете злиться друг на друга

вечно. Это настоящее сокровище. Ты сейчас придешь домой, а там твой брат, и он будет рад тебя видеть. Марго после меня боялась растолстеть и потерять свою красоту, да и возиться ни с кем не хотела. А может и не поэтому. – сказала она, вспоминая недавний побег Марго.

Она споткнулась, произнесла слово, которое говорить нельзя, но если случай подходящий, то, как она считала, можно. Вран удержал ее, и у нее в прямом смысле не получилось упасть в грязь лицом.

– Знаешь, Кайллих знает отличный способ избавиться от дурных привычек, она может помыть рот с мылом за плохие слова и мысли.

– Звучит так, будто мне пора.

– Просто тебе не идет ругаться. Вот и все. – сказал он, улыбнувшись, но ничего другого от нее не ожидал, ведь все просто любят странную Хейзел такой, какая она есть.

– Пока! – вырвалась она и подумала, какое счастье, что у нее нет родственников, которые могли бы вымыть ей рот с мылом за плохие слова.

И она представила, как спит вечным сном среди тысячи

роз и собираются грустные пингвины, потому как она считала, пингвин – ее птица – помощник, ведь она никогда их не видела поблизости Сент-Джон, видимо, оттого и не встретила, потому что они здесь не водятся. Да, лучше среди роз и пингвинов, чем среди токсичных людей, которые способны изображать счастье только на фотографиях, встречающихся изредка по поводу изменения цифры в возрасте или количестве собравшихся.

Часть 3

Глава 1

С тех пор, как Марго сбежала из этого тихого уголка на встречу личному счастью, на Хейзел свалилось сильно больше хлопот по дому, помимо чего надо было готовиться к ярмарке, ведь, как известно, у них было свое небольшое хозяйство. Милдред и Хейзел могли встретиться только на закате около орешника, как и договаривались, и сыграть в «Ламмас» – карточную игру, в которую Хейзел хотела научить играть ее. Они обустроились на лавочке, которую смастерил когда-то Генри и начали.

– Итак, мне попался шаман и у меня все масти пауков, следовательно, я скидываю и выигрываю. – сказала Хейзел с азартом.

– Мне кажется, ты жульничала.

– Я? Нет. Это только мой отец может жульничать, когда выпьет рюмку чего-то крепкого. Да, у тебя осталась всего лишь карта с клевером, грибом и духом-проказником. У тебя не было шансов...

– Сдавай еще раз! – решительно заявила Милдред.

– Мне кажется или играет музыка?

– А что, карты не очень, да?

– Да нет же, я серьезно!

– Давай играть, не отвлекайся.

В действительности, один мужчина проходил поблизости, потом сел на поваленное дерево недалеко от орешника и заиграл на гитаре. Должно быть, муза посетила его, раз он так резко приостановил свой путь, ведь кто разберет, что в головах у этих типичных творческих!

– И ты будешь отрицать, что не слышишь мелодию? – возмутилась Хейзел.

Она бросила карты и сорвалась посмотреть, кто там играет.

Милдред закатила от злости глаза и скинула карты с сожалением, потому что в этот раз карта у нее шла неплохая.

– Привет! – сказала Хейзел.

– Не стоит разговаривать с незнакомцами. – шепнула Милдред.

– Это моя территория и в данном случае незнакомец – это я, и мне было бы обидно, если бы со мной не захотели говорить. – фыркнула шепотом Хейзел.

– Привет! – ответил тучный незнакомец с гитарой в руках и оставленным чемоданом на земле, продолжая подбирать мелодию.

– Интересный мотив. – сказала Хейзел.

– Пока это всего лишь импровизация. Но спасибо! Меня зовут Джек, я прибыл из Аннаполис Вэлли на августовскую ярмарку, которая должна проходить где-то здесь. Вообще-то я – пасечник, – говорил жизнерадостный Джек, не отрываясь от игры, и задев ногой замок чемодана, который приот-

крылся, Джек смог продемонстрировать запасы меда, за которым еще скрывалось отделение с личными вещами. – А по дороге я увидел самую прекрасную женщину на свете, и вдохновение заполнило мое сердце и разум, – продолжал он, играя дальше. И у меня есть сильное желание написать для нее песню. И может быть выступить на ярмарке, и тогда она меня точно заметит. – вообразил Джек.

– Вы должны заговорить с ней. И песня должна быть романтической... – сказала Милдред.

– А мне кажется нет... – вставила слово Хейзел тихо, но Джек перестал играть.

– Что нет?

– Я просто о том, что нужно быть честным, прежде всего, с собой и своими чувствами. Если полон боли – пиши о боли; если одиночество не дает чувствовать себя хорошо – пиши об этом.

– Что ты в этом понимаешь, Хейзел? – одернула ее Милдред.

– Так, девочки, не ссорьтесь. Вы наверно сестры? Погодки? Спорите как настоящие сестры.

– Мы не сестры. – сказали они хором.

– Лучше скажите, где здесь поблизости можно остановиться?

Они показали, в какую сторону идти и попрощались с толстяком Джеком. Он подошел к порогу частично отреставрированного дома и постучал в дверь того самого загадочного дома в округе, устоявшего после шторма несколько месяцев тому назад.

– Чем могу помочь? – спросил Вран.

– Доброго дня! Вы сдаете комнату?

– Еще не совсем, нет.

– Странно, девочки сказали... У меня немного денег, и мне, признаться, всего на несколько дней надо где-то переночевать.

– Так... А как Вы относитесь к запаху краски?

– Вполне сносно.

– Дело не в деньгах вообще-то. Заходите. Если поможете сделать ремонт, оставайтесь, сколько вам угодно.

– Идет! – сказал обрадованный Джек. – Можно «на ты» кстати.

Вран стал показывать одно крыло дома, где как раз был ремонт и в дальнейшем он собирался их сдавать. Каждую комнату он хотел сделать уникальной; каждая комната соответствовала бы одной из стихий, начиная с холодных оттенков морской тематики, заканчивая еще лежавшим на полу воздушным тюлем. Он показывал и рассказывал, что уже сделано и что еще предстоит, а в другом крыле можно было заночевать, там и сам он ночевал в последнее время, раскрыв планы только своему брату. Для остальных это был секрет, хотя Парси уже рассказал Милдред, она рассказала Хейзел, а последняя отцу, но здесь круговорот секретов прервался, потому что Генри считал дурным тоном лезть в чужие дела, да и хлопот перед ярмаркой было сполна, так что вся другая ненужная информация вытеснялась.

После находки ночлега на эти несколько дней, Джек не мог забыть идею Милдред поговорить с той, кто так запал в его душу, и он пошел к дому Кайллих. Знал бы он, что ночует в доме ее сына, мог бы и подготовиться, но нет.

– Здравствуйте! Простите, я здесь проездом.

– Здравствуйте!

Затем Джек замешкался в поиске слов.

– Только побыстрее пожалуйста, у меня мало времени. – резко ответила Кайллик, окинув его оценивающим взглядом с ног до головы.

Он почувствовал недружелюбие с ее стороны:

– Может я зайду позже... Я здесь ненадолго.

Кайллик ничего не ответила и захлопнула дверь.

Он решил пройтись подальше отсюда в сторону Кокран Лейн Клифс, не расставаясь со своей гитарой, уходя в места скопления камней и крутых обрывов, и глядел вниз. Будто сам ветер подталкивал его сделать шаг вперед. Он закрыл глаза и вспомнил, сколько раз он слышал с ранних лет отказ и как часто ощущал неприязнь окружающих: сцены в его голове всплывали одна за другой. Когда видишь улыбчивого человека, по нему и не скажешь. Но он вспомнил, что нужно быть честным с собой, и не позволять овладеть дурным намерениям. Опешив, он сделал три шага назад, достал гитару и заиграл, обещая себе, что и ради любви не стоит под-

даваться темным мыслям. Только один человек всегда будет с ним рядом – это он сам.

Глава 2

Глубокой ночью, в окно дома, где по расчетам Врана должна была спать Хейзел, он кидал мелкие камешки, чтобы она выглянула из окна.

– Что ты делаешь? – удивленно прошептала Хейзел из окна первого этажа той же стороны.

– Ты спишь на первом этаже?

– Я всегда спала на первом. Я же хожу во сне, забыл что ли? Впрочем, не твое дело.

– А в чье окно тогда я кидал камешки?

– Моего отца.

Свет на втором этаже включился, и Генри открыл окно посмотреть, что там за шум внизу, но Вран вовремя успел войти в окно к Хейзел, и Генри никого не увидел – он снова лег спать.

– Что привело тебя сюда в такое позднее время? Не забывай, что за дело у Генри, он профессионально закопает кого-угодно. В том числе и того, кто мешает его дочери спать. – предупредила Хейзел.

Он ухмыльнулся, а потом засомневался, шутит она или нет.

– Ладно, шучу. Что у тебя?

– Есть разговор. Что ты помнишь о перемещении в пространстве?

– Зачем тебе?

– Я подумал, что можно найти способ вернуться в прошлое и попытаться спасти одного близкого мне человека.

– Нет. Это может плохо кончиться. Лучше не использовать этот вид магии вообще.

– Действительно, зачем я тебя спросил. Толку от тебя мало.

– Как воспитанный человек сделаю вид, что я этого не слышала. – обиделась Хейзел.

– Прости, я не это имел ввиду. Просто только ты была там, где-то между мирами, и я подумал, ты расскажешь больше...

– Послушай, когда я была там, я видела нечто доброе и светлое, как и пугающее, темное. Но было еще нечто третье – нечто неизвестное. А все что неизвестно, может быть опасным.

Он поблагодарил ее и извинился за беспокойство. Затем вернулся к себе домой и, убедившись, что Джек спит, открыл книжку с тремя замками. Книга уже записывала что-то в самой себе, будто читая его мысли о намерении спасти близкого человека. Он начертил то, что было в ней, напоминающее сложную руну и, шепотом оговорил условия: видимость реальности начала расплываться. В воздухе запахло осенью, кругом все указывало на то, что был самый конец октября, день, в котором он и хотел быть. Но что-то здесь было не так. Это было какое-то другое, незнакомое место. И Крылья. И тело. Подойдя к ближайшей водной глади, как он уже и предположил, он увидел себя той птицей, которой когда-то был проклят.

Вран поднялся в воздух и убедился в том, что место было действительно незнакомо, и не понимал, почему заклинание и руны выкинули его именно сюда, да еще и в обличие, от

которого он уже несколько лет до момента возвращения в свое тело, мечтал избавиться. Вран видел свысока, как кто-то стремительно бежит от чего-то: это были гигантские псы с густой шерстью, горящими красными глазами и пастями как у пираний. Вран подлетел к одному из чудовищ, вцепившись в глаза и ослепив его. Убегающая фигура кидала какие-то камни, больше похожие на желуди, которые, касаясь земли, мгновенно взрывались и распугивали псов. И только после этого удалось сделать паузу и заглянуть страннику в глаза.

– Хейзел?

– Откуда ты знаешь мое имя, птичка?

– Что ты здесь делаешь?

– Я – лунатик, особенно в дни равноденствия. Немного далеко зашла.

– Немного?!

– Замечательные желуди, чего только не растет в Безвременье! – сказала она, невозмутимо радуясь своим припасам во вместительном, самостоятельно сшитом рюкзаке.

– А что сегодня за день?

– Самайн.

– Тебе сейчас следует идти направо.

– Почему я должна верить тебе? Ты вообще кто?

– Мне свысока виднее, и тебе направо.

Она проворчала что-то себе под нос, но послушала и потребовала привала, облокотившись о камень.

– Так кто ты такой?

– Не важно. Я из другого времени и здесь я затем, чтобы спасти своего брата.

– Да, тут много сорок. И среди них наверняка найдется твой брат.

– Он не сорока. Он – человек.

– Какие запутанные отношения... На минуту я подумала, что ты моя птица – помощник, как и у всех энчантеров, но все же моя птица – пингвин. Скорее всего. Но они не водятся поблизости города Сент-Джон. Жаль, конечно, что ты не

ПИНГВИН.

Камень, на который она облокотилась раскрыл свои змеиные глаза и пасть, и раздался рык, что очень взбудрило уставшую в пути Хейзел:

– Какой страшный и красивый зверь... Не ешь меня, пожалуйста. – шептала она, наблюдая как встает дракон.

– Отходи медленно и спокойно, не смотри ему в глаза. Отводи взгляд, я сказал. – командовал Вран.

Он стал заговаривать с драконом на языке крылатых, и зверь цвета северного сияния стал успокаиваться, вновь засыпая.

– Ты в порядке?

– Вполне. Спасибо!

Она пожаловалась, что хотелось бы нормально поесть. Там недалеко как раз была таверна. Заглядывая в окошки, они понимали, что туда не проберешься, там было полно эльфийского народца. И неизвестно, насколько они дружелюбны. Она стала внимательно что-то считать. А потом сказала, что на торте сто свечей: у той пожилой эльфийки сотый день рождения, и они не могут испортить сотый день рождения.

Наверно, это был способ оправдать то, что она туда не пойдет, а может и правда посчитала неправильным ворваться на чужой праздник. Кто же поймет девочку, которая считает своей птицей пингвина. Так что она просто достала печенье и предложила угоститься сороке.

Подул узнаваемый Врану ветер, напомнивший о том, что времени осталось мало, и тогда начал выпадать мелкий ноябрьский снежок, который обычно тает на следующий же день.

– Дальше иди сама, дорогу знаешь. Времени в обрез. Встретишь на пути девочку, ее зовут Милдред, подскажи ей верную дорогу. Береги себя, Хейли!

Вспоминая этот буйный ветер, он помнил, что смерть не принимает иные правила игры, кроме своих. Без исключений. Она забирает тех, кого суждено забрать – все для нее равны. Богат ты или беден, умен или глуп, успел ли что-то сделать или нет – ей все равно. Если она намерена забрать с собой – она сделает это. Нам только остается попросить у времени покоя принять то, что мы не в силах изменить, мужество изменить то, что можем; и делать то, что будет во благо, будучи способным отличать благо от нечто серого и непонятного, что только притворяется добром.

Глава 3

Придя в себя, он обнаружил, что здесь он уже был. Поле люпинов. И к счастью, в человеческом обличье. После того, как он зашел в свой магический почти отреставрированный дом, он заметил, что стены были уже кем-то докрашены. Он не понимал, какой это был день, не понимал, как долго его не было, и он просто пожелал встретить кого-то, кто бы мог ответить на этот вопрос. И тут же раздался стук в дверь.

– Где ты был эти два дня? – возмутилась Хейзел.

– Как быстро сбываются желания и как я рад тебя видеть! – сказал Вран с ушибленной головой.

– Рад видеть? Меня? Ты что, головой ударился? А, да, правда ударился. У тебя кровь идет.

– Все в порядке, я сам. Что сегодня за день?

– Воскресенье.

– Получается, сегодня последний день ярмарки?

– Именно.

– Почему ты еще здесь? Сегодня должен выступать Джек, мы обязаны его поддержать.

Она вздохнула и собиралась уходить.

– Прости, я глупостей тогда наговорил.

– Да, я помню.

Он посмотрел в сторону и к нему пришла хорошая идея.

– Эй, я знаю, как туда добраться. – сказал Вран ободряюще, указывая на два велосипеда. – Один из них принадлежал моему старшему брату, но, в силу чудовищных обстоятельств, велосипед ему больше не понадобится. Он твой.

– А если он вернется?

– Фантастика! Ты мне первая об этом сообщишь, ладно? – сказал он так, убедив, что она опять говорит то, чего не может быть.

– Значит, ты решил меня подкупить?

– Да.

Она вздохнула и через минуту весело ответила:

– Ладно, тебе это удалось! – сказала она, забирая велосипед. – И чего это ты такой добрый сегодня?

– Так уж вышло, что я изменил свое отношение ко многим вещам.

Рассекая солнечные дороги через самые живописные уголки пригорода, дороги ароматных диких трав, озера, и стены деревьев; сокращая путь, можно было услышать приближение к людному месту. Там было сотни замечательных вещиц, разнообразие вкусной еды и фермерских продуктов. Джек уже начал играть вступление своей песни, сочиненной на скале в час отчаяния. Это было красиво. И выразительно: целая история, которая ведала всем о заблудившемся в жизни человеке, кем мог вспомнить или почувствовать себя каждый. И после излитых разрушительных эмоций, он раскрыл то, что каждый потерянный должен быть честным с собой и никогда не поддаваться темным мыслям. Надо сказать, что песня была из-за Кайллих; кто знает, думала ли она об этом, но слушала она внимательно. Все аплодировали, когда Джек завершил свое выступление и наверно думали, как жаль, что этот харизматичный полненский музыкант так скоро уезжает из города.

Вран поблагодарил Джека за помощь в ремонте, когда тот

уже собирал свой теперь уже нетяжелый чемодан в бывшем доме лесной ведьмы. Также Джек просил передать несколько маленьких баночек меда музе, без которой, пожалуй, этой песни бы не случилось. Вран сначала не понимал, о ком идет речь.

– Это магические сладости, инструкция внутри. – подмигнул Джек, улыбаясь.

– В смысле магические? – недоумевал Вран.

– Чуть не забыл зонт! Обещали дожди. – добавил загадочно Джек, приказав его зонту переместиться в его руку.

– Так ты колдун! Что же ты сразу не сказал!

– Думал, что вы смертные, а потом понял, что это не так. Будь молодцом, Вран. Приезжайте теперь ко мне в Аннаполис Вэлли. В верхнем ящике стола сувенир для тебя тоже.

– Спасибо! Счастливого пути!

Через полчаса заявила Хейзел, но она опоздала и очень огорчилась, что не успела попрощаться с Джеком. Тем не менее, Вран передал ей подарок.

– Он не совсем обычный.

– В смысле?

– Подарок.

– Почему?

– Потому что Джек – маг.

– Да ладно?

– Сам видел. И приглашал нас в гости в Аннаполис.

– Ясно. А что это за книжка с тремя ремешками?

– Не трогай. – побледнел Вран.

Он попытался ее отнять с разных сторон, но любопытство Хейзел оказалось более смекалистым, и она выскользнула слева, выбежав из входной двери, разве что неведомая сила толкнула ее с лестницы на ровном месте, и она упала, получив растяжение.

– Твое любопытство до добра тебя не доведет. – сказал он спокойно, присев на ступеньку и взяв в руки книгу.

– О, нет! Не могу опереться на ногу. Я не могу ходить. – ответила она, попытавшись встать.

– Садись. Шевелить можешь?

– Да, но больно. К Парси сегодня не получится пойти. Я слышал, как они с Милдред ссорятся из-за того, что она уезжает вместе со всеми. В общем, он придет сегодня ко мне, думаю, излить душу. Можешь остаться, ближе медиков в округе все равно не найти.

– Жаль...

– Да.

– Жаль, что не получилось увести разговор в другую сторону. Что это за книга? – не унималась Хейзел. – Откуда она?

– Ладно, слушай. Это странная история. В общем, мы с пиратами добрались до диких земель, потом погода испортилась. Я думал, что умер, оказавшись в вечных водах. Потом видел старуху с воронами, она отдала ее мне в знак благодарности. Очнувшись на берегу, я обнаружил, что книга у меня. Она по-настоящему у меня, и значит ли это, что это было реально?

– Кажется, это книга времени. Я слышала о ней. У нее много других названий. За ней охотились многие. Думаю, теперь ты – ее хранитель. Говорят, что, если она попадет в плохие руки, настанут очень-очень-очень-очень темные времена. Ты должен спрятать ее.

На пустых страницах стало проявляться заклинание клятвы.

– Гляди. Книга просит тебя дать клятву, что не расскажешь о ней.

– Хорошо. – подготовилась Хейзел. – Я – Хейзел Рутвен, клянусь хранить тайну о нахождении книги, принадлежащей ее хранителю Врану Уоррену. Клянусь хранить верность своему слову и принимаю последствия в случае нарушения данного обещания. Да будет так, так и есть. – произнесла она искренне.

Но это не помогло ей ходить, поэтому ему пришлось помочь ей добраться домой, взяв ее на руки. Она не хотела оставаться. А на утро травма прошла, словно и не было ничего.

Вечер подходил к концу. Покидая город, Джек обратил внимание, как Кайллик вдалеке вешает табличку, выставляя

на продажу старый дом Мериен Худ. Она заметила его и помахала ему рукой на прощание, будто сожалея, что повела себя грубо в их первую встречу. Он кивнул в ответ.

Прощание уникально тем, что если мы вернемся, то все будет уже совсем по-другому – ничего повторить нельзя. Такова ловушка времени. Важно оставить о себе что-то хорошее, а иначе какой был смысл в нашем появлении? Новое приветствие тоже может не понравиться нам с первой встречи. Но что поделать – на это тоже понадобится время.

Часть 4

Глава 1

В палате было холодно, и жутко раскалывалась голова. Эти стены были такими же незнакомыми, как и запах, который мог узнать каждый, кому хоть раз приходилось лежать в больнице.

Рей поднялся с кровати и медленно подошел к окну. Увидев снежные покровы, ему сложно было представить, что он целых два месяца не был дома. Какой был для него сюрприз, если бы он узнал, что прошло значительно больше времени.

– Наконец-то, ты проснулся! – сказал незнакомый сосед

по палате, сидя на койке и одетый для того, чтобы уже уйти, а также с цветочным горшком в руках, в котором росла ель.

– Ты кто? И где я вообще?

– Ты в больнице, недалеко от Аками. А я с другой... Как это сказать? Планеты.

– Но ты не зеленого цвета и не с большой головой, ну там знаешь... – рассуждал Рей, держась за большую голову.

Незнакомец добродушно рассмеялся, сославшись на стереотипы. От него веяло невероятной добротой и сам в разговоре он настаивал, что нужно быть терпимее и добрее ко всем на свете.

– Я выписываюсь и у меня кое-что есть для тебя. Ты тоже скоро выпишешься, я знаю. Вот эту ель передашь Кайллик. Старый должок, знаешь ли. А это передашь девочке из палаты под номером шесть, на первом этаже. Я верю, что она правильно это использует.

– Что это?

– Банка с остывшим кусочком звезды. Мы их... как это сказать... маринуем. И оставляем на момент исполнения же-

лания.

– Маринуете? Как огурцы?

– Ну, вроде того.

– А кто находится в шестой палате?

– Девушка из твоего города. Тебя скоро выпишут. А мне пора. Удачи! – сказал он и ушел с вещами к выходу.

Инопланетянин, выглядевший как обычный сторонник движения мира во всем мире, оставил Рея в полном недоразумении, у которого осталось больше вопросов, чем ответов. Он в принципе не помнил ничего, кроме потопа и грозы, а сейчас снег за окном рядом с чужим магическим городом... Он оставил елку в палате, переделся, побрился и вышел.

– Как Вы себя чувствуете, мистер Росс? – заботливо спросила медсестра с поста.

– Спасибо, прекрасно!

– Вы направляетесь к своей родственнице, верно?

– Не знаю. В шестую палату. – не понимая о чем идет речь,

ответил Рей.

– Через час завтрак. Не опаздывайте, пожалуйста!

Он постучался в палату номер шесть и увидел на полу плачущую девушку в окружении большого количества яблок. Увидев его, она очень удивилась:

– Ты что жив? И здоров? Мы все думали, что ты погиб в шторм! Стоп, может быть, я, конечно, сплю.

– Вот и у меня также, может я сплю? Я ничего не помню кроме потопа. Тебя вроде Хейзел зовут? Ты – дочь гробовщика?

– Типа того.

– Почему ты плачешь?

– Не важно. Просто домой хочу. Не хочу оставаться здесь на Рождество.

– А по какой причине ты здесь? Какое еще Рождество?

– Прошел уже год с того момента, как Мелори исчез.

– Как год?

– Да, даже больше.

– Чудеса какие-то! Расскажешь потом, как там все. Медсестра сказала, что тебя скоро выпишут.

– Правда? Seriously? – ободрилась Хейзел.

– Да, правда. У меня все еще больше вопросов. И еще один, не дающий мне покоя. Что здесь происходит? Почему здесь столько яблок? Тем более не сезон!

– Моя мать прислала мне магическую иглу к празднику. Она вроде должна исполнять то, что тебе нужно. В письме написано, что сначала исполняются базовые желания, вроде жажды, голода и другого. Затем потребность в безопасности, защите. И только потом, при условии развития своей личной силы, можно менять реальность и исполнять свои желания. Замечательная вещь, что скажешь? Но пока выходят только яблоки.

– Понятно. Наверно стоит спросить у нее, почему не получается. Приедешь домой и узнаешь.

– Нет, не узнаю. Она сбежала с любовником в мае и теперь пытается задарить меня подарками.

– Сочувствую...Извини.

Хейзел рада была собираться, потому как это место ей уже осточертело, хотя она и понимала, что это все временно и что скоро она вернется домой в отличие от тех, кто вынужден наблюдаться здесь годами. Особое впечатление оказывали брошенные и забытые старики и нездоровые дети. Какое счастье, что к ним приходят волонтеры – вот кто настоящие волшебники!

Глава 2

Они сидели на платформе в ожидании поезда. Снег падал и падал – никогда еще не было так снежно, того и гляди, оступись и провалишься куда-нибудь в сугроб. Поезда ходили здесь редко, да и не было в этом острой необходимости.

Особо не покидая Сент-Джон, Хейзел с любопытством рассматривала необычных существ в вагоне. Ей очень запомнилась мышь в очках, в человеческой одежде и ростом с нее, которая вязала на спицах и периодически ругала за что-то своего внука, который был зашуган и боялся сделать лишнее движение. Рей сообщил, что если верить карте, то им через одну станцию выходить, так что не так долго можно было разглядывать дальше окружающее пространство.

И вот они проводили взглядом поезд, уходящий вдаль. Это была пустынная, почти заброшенная станция, так как поезда здесь редко останавливались.

– Где мы? – спросила воодушевленная Хейзел, представив, что скоро они будут дома.

– Ой.

– Что «ой»?

Рей перевернул карту теперь уже правильно.

– Кажется, нам придется немного пройти пешком вдоль заброшенных рельс.

– Немного? Это же ужас как много! Ну все... Приехали! – возмутилась Хейзел, не повышая голос, но произнеся тихо слово, которое говорить нельзя, но если случай подходящий, то, в принципе, можно. – Что если мы замерзнем? Или того хуже, нас кто-нибудь сожрет?

– Да кому мы нужны! Пойдем лучше. Меньше слов, шире шаг. Гляди, там есть тропа.

– А мы можем хотя бы сбросить балласт? Например, эту ель в горшке?

– Нет, я обещал принести ее к Кайллиях.

– Бред какой-то.

– Возможно. Но раз пообещал что-то сделать – сделай, иначе цены нет твоим словам и поступкам.

Они плутали и казалось, ничего не меняется среди ландшафта: одна и та же тропа, одни и те же деревья и бесконечные заснеженные сугробы. Хейзел предложила сделать привал, но упрямый всей своей плотью и духом Рей настаивал, чтобы продолжить путь, подбадривая, что еще немного осталось. Это была неоднократно повторенная ложь.

Хейзел ничего не говорила вслух, но, тем не менее, она проголодалась. И тут на дорогу выскочил енот: он был одет, обут, и даже пытался что-то сказать. Хейзел присмотрелась к жестам фантастического существа и поняла, что он предлагал глянуть вверх, приглашая следовать за ним, где рельсы ползут на дерево, трансформируясь в лестницу к домику на дереве.

Несмотря на скромный вид жилища снаружи, внутри бы-

ло довольно уютно и просторно, хотя Рею с его ростом приходилось сутулиться и нагибаться. Жена енота на своих словно игрушечных сковородках жарила гостям блины. Это напоминало чаепитие в кукольном домике с двумя живыми плюшевыми игрушками. Особенно нелепо там смотрелся Рей. Хейзел бесконечно благодарила их и расхваливала жилище.

Потом енот взял Рея за руку и повел куда-то. Животное боялось этого места и все же открыло дверь в подвал, по всей видимости, являющееся дуплом того самого дерева. И на дне лежала трясущаяся коробочка – будто кто-то пытался из нее выбраться. Рей взял ее и, несмотря на запуганного енота, открыл коробочку – невидимый полтергейст вылетел из коробки с огромной скоростью, круша и ломая все на своем пути. Разрушив домик енотов, он вылетел прочь, освободившись, а звери, осматривая погром, начали плакать. Никто не понимал, что это было и откуда взялся дух-проказник, но было ощущение, что по жилищу проехался поезд.

– Мы построим вам новый! Собирайтесь с нами. – решительно заявила Хейзел.

– Иногда лучше жевать, чем говорить. – прошептал ей Рей, понимая, что Хейзел точно строить не будет, а обязанность свалится на него.

Еноты оживились, приняв подаренную надежду и стали собирать свои рюкзаки.

Рей шел впереди, затем Хейзел, следом два енота, медленно передвигая лапками в сапогах, с рюкзаками на плечах, и всем содержимым, что уцелело после погрома. Хейзел то и дело останавливалась, чтобы ободрить их идти дальше. Рей, поглядывая на часы, постоянно ждал.

Зимой вечерело рано, но оставалось действительно не так много: разве что дощатый путь, ведущий через незамерзающее болото, которое раннее было у края Мелори. Оно имело свою легенду, канувшую в лету вместе с городом. Пропустив енотов вперед, Хейзел не заметила лед на деревянном переходе и одной ногой соскользнула в болото, и произнесла слово, которое называть вообще-то нельзя, но уж очень был подходящий случай, так как нечто ужасное вылезло из мути и стало затаскивать ее к себе. Еноты запаниковали и побежали за помощью к Рею, который оторвался уже довольно далеко, и пока он поворачивал назад, Хейзел, схватив магическую иглу, всем сердцем пожелала быть в безопасности: тогда послышался оглушающий мутную тварь крик, и крупный сокол подлетел ближе, вцепившись в монстра острыми когтями. К счастью, ей удалось выбраться благодаря птице-помощнику, а болотная тварь была повержена.

Все дороги вели к одному дому. Всю дорогу их сопровождал сокол. Дорога стала расширяться, и уже никто не шел на большом расстоянии друг от друга. Хейзел заявила о своей радости касательно того, что наконец она узнала, что ее птица – это сокол.

Теперь дом, к которому вели дороги, был отелем, а не домом лесной колдуньи. Вран отворил дверь и чувства удивления и безмерного счастья смешались воедино, когда на пороге он увидел своего ранее пропавшего брата. Они обнялись, а Хейзел кинулась к графину с водой. Увидев, что она натоптала, еноты стали быстро за ней подчищать.

– Я даже не знаю, с чего начать. – сказал Вран, смотря на все это.

– Я даже не знаю, что ответить. Ничего не помню, просто очнулся и обнаружил себя в больнице.

– Почему ты таскаешь горшок с елью, и что это за еноты? Хотя почему бедовая девочка в грязи – я не удивляюсь. Привет, Хейзел!

– Да я просто в болото упала. – ответила Хейзел. – Но это меркнет на фоне того, что я дома! Ну в смысле сейчас пойду туда. Какое ужасное было бы Рождество, если бы пришлось

встречать его в больнице. Что ж, всем спасибо, я ушла!

– Кто-то живет сейчас в отеле? – задал вопрос Рей после ухода Хейзел.

– О, да, к сожалению. Очень странная женщина.

– Чем же? Я вот домой возвращался со странной девочкой и ничего!

– Хейзел хорошая, к ней можно привыкнуть. А та странная, еще не понял, чем именно она меня напрягает. Эта дамочка вежливая, мне даже кажется, она флиртует и крутится все время рядом. В общем, я стараюсь избегать пересечения с ней, потому что от нее мне не по себе.

– Может ты ей просто нравишься. – дружески ударил Рей его в бок. – Эй, будь более открытым!

– Клянусь тебе, что-то здесь не так!

– Что ж, ладно. Раз еще не темно, я должен сделать то, что обещал. Пойдемте. – скомандовал Рей енотам.

– А что ты обещал?

– Домик на дереве для этих ребят. Их дом был разрушен полтергейстом из коробки.

– Помочь?

– Нет, справлюсь.

– Ладно, мне надо успеть все подготовить к завтрашнему сочельнику.

– Вот и занимайся. Нет проблем!

– Возвращайся скорее! Ты так много пропустил!

Рей с енотами отправился по ту сторону чудесных земель и все интересовался, какое именно дерево енотам нравится. После сделанного выбора, Рей повсюду зажег огоньки, где и собирался возводить жилище. Сосредоточившись на мысли, он прошептал слова о потерянном, которое вновь должно быть восстановлено здесь, на этом месте, а еноты диву давались, как на их глазах собирался такой же дом, как и тот, что они потеряли и, как они считали, безвозвратно. Со своими рюкзаками они полезли наверх, скорее распаковывать инвентарь и заселять обновленное пространство.

Рею дважды послышался шелест, который он проигнори-

ровал, но на третий раз оглянулся.

– Кто здесь?

В заснеженных кустах кто-то перешептывался и уговаривал второго не высовываться. Рей обошел с другой стороны, где были две девочки, запуганные до смерти.

– Не трогайте нас, пожалуйста.

– Успокойтесь. Что вы здесь делаете? Что с вашими лицами?

– Мы видели, как Вы колдуете. Значит, Вы с ней заодно.

– С кем?

– С ведьмой.

– Какой еще ведьмой?

– Нас похитила ведьма! Она назвала нас непослушными и заперла в одном жутком месте, – говорила девочка постарше, догадываясь, что Рей искренне не понимает, о ком речь. – Мы сбежали.

– Хорошо. Не бойтесь. Я знаю, где вы можете спрятаться, пока я все не выясню. Идет? – сказал Рей, указывая на дом с енотами. – Что еще вы о ней знаете? Как она выглядит?

– Сначала она кажется милой и любезной, но только дети спустя время могут увидеть ее истинный облик. Она безобразна!

Вторая девочка расплакалась от страшного воспоминания.

– Ей нужно украсть двенадцать детей, чтобы провести какой-то ритуал, из-за которого настанет вечная зима: рождь никогда не поднимется, и весна никогда не наступит!

– Она вас била?

Девочки кивнули, а младшая еще сильнее расплакалась.

– Понял. Я помогу, но у меня есть условие: все, что вы здесь видели, должно остаться тайной. – сказал он и отправил их в енотов дом на дереве, и, не мешкая, побежал домой к брату.

Под гром битой посуды, Вран отбивался от наполовину обезображенной Грилы, той самой ведьмы, про которую рас-

сказывали дети. Он откинул ее силой ветра на пару метров в сторону, а на месте ее волос появились черви, которые ввремя были поджены вбежавшим внутрь Реем с фразой: "Когти прочь от моего брата!"

Словно что-то почувствовав, спящая Хейзел неосознанно пошла в сторону их дома – ее тянула какая-то сила, заставив сказать: "Тьма пусть сгинет и падет!" Сама девочка так и осталась стоять на улице, все еще не понимая, что ее притянуло сюда.

Ведьму корежило под натиском неведомой сплоченной силой на загоревшемся ковре. "Земля с защитой будет свя-та", – добавил Вран.

Гриле становилось все хуже, она демонически выла и гиб-ла.

"Нечистая сила под землю уйдет." – закончила Хейзел и затем очнулась, увидев в окне все, что происходило, будто будучи во сне, ее тянуло к тому месту. Словно у дома бы-ли корни как у дерева, соединяя их воедино – дом будто сам подсказывал, что сказать, защищая свою территорию от нечисти.

Грилу разорвало на части на глазах у всех. Черви обер-

нулись бабочками и вылетели в окно как подпаленный бумажный пепел. Но скелет с другими телесными фрагментами остался и, очевидно, времени на уборку перед завтрашним приходом гостей потребовалось бы теперь куда больше.

Хейзел в ужасе ушла к себе, вспомнив, как ей читали сказку про зимнее чудовище, похищающее непослушных детей, вот только теперь она осознала, что это была не сказка.

Рей рассказал брату то, что услышал от похищенных детей, а Вран вздохнул, понимая, что все это предстоит убирать, в том числе и труп, также жалея мамин любимый коврик, надеясь, что она не заметит его потерю.

– Что будем делать? Нужна лопата. Две. – предложил Рей.

– Земля же замерзшая. – ответил брат.

– У меня есть идея... Есть незамерзающее болото по ту сторону леса.

Если действительно нужно что-то утаить, то лучше никому не раскрывать свой секрет, иначе рассказав, секретом это уже не будет. О настоящих секретах мы никогда не узнаем, ведь их владельцы унесли их с собой. Однако, у каждого секрета есть связь, а значит любой секрет оставляет за собой

след или разгадку.

Глава 3

День начинался не только с уборки и подготовке к встрече с гостями, но и с получения посылки для Врана. Ящик был тяжелым и какое было удивление, и в то же время радость, что посылку прислали пираты! Значит, они были живы, и беда на корабле их миновала. Внутри ящика было то, о чем Рей просил не делиться с Парси, иначе тот проговорится или начнет читать морали. Помимо поздравительного письма от пиратов во главе с капитаном Рейли, ящик содержал партию крепкого рома. Еще одно поздравление пришло от Эмбериз и Финдли, и извинения за то, что они пока не могут приехать, ожидая появления новорожденного на свет. Одновременно с этим, Рей настаивал открыть хотя бы одну бутылку пиратского рома, но Вран ему не позволял этого сделать и спрятал ящик куда подальше, опасаясь, что к приходу гостей он будет вести себя неподобающим образом, а за него краснеть никак не хотелось.

В дверь постучали. Это был первый гость, и даже не гость. Впервые за год с хвостом, Парси увидел своего пропавшего брата Рея и кинулся к нему, не веря своим глазам. Парси разве что интересовался, зачем он должен был принести посуду, ведь здесь ее и так было всегда полно. Его вопрос

остался без ответа. Кот-брауни Бэкс также вернулся домой и тихонько за всеми поглядывал. Внимательно слушая разговоры, он расположился на самой высокой полке, сливаясь с местным интерьером.

Общение братьев прервал очередной стук в дверь. Кайл-лих потеряла дар речи и расплакалась, когда увидела Рея в целости и невредимости. Только и повторяла в своих фразах слово "чудо". Милдред и Парси неловко переглянулись и тихонько поздоровались: было неловко, ведь после ссоры они больше не общались и даже не переписывались, а Милдред с Кайл-лих приехали сюда только на праздники.

Кайл-лих суежилась как курица в курятнике с желанием помочь, чем, собственно, она и занялась, накрывая на стол. Каждый был занят, пока в дверь снова не постучали.

На пороге стоял он: со стильной укладкой, неузнаваемый и когда-то влюбленный, но все еще толстенький Джек. Он уже с порога буквально заражал своим позитивом и настроением встретить Рождество. Когда все уже почти было готово, и все подуспокоились с суетой, Джек начал играть мелодию на гитаре, настраивая всех на рождественский лад.

На улице поднялся ветер и снег закружился, со свистом проносясь мимо окон. Что-то большое приближалось к оби-

тели; что-то, врывающееся как выюга: Хейзел с отцом Генри подросли последними. Она держала в руках коробку, которую передала Парси, сказав, что в мире происходит столько плохого, и как важно быть вместе и не ссориться из-за ерунды. К этим словам, она также намекнула, что этим надо украсить елку по-йольски, про которую все благополучно забыли. Парси уединился в углу с елью, а Милдред тихо подкралась, присоединившись:

– Что значит украсить елку "по-йольски"?

Парси замешкался, не ожидая, что она подойдет и заговорит первая:

– Ну, это необычные игрушки. Хочешь денег, нужно вешать шишки, кукурузу или орехи, точнее игрушки в виде этого; для радости и удачи – фонарики, свечи, огоньки, конфеты; для дома и улучшения условий – домик; для удачных путешествий – трамвай или поезд; для славы и почета вешают персонажа с музыкальным инструментом; для здоровья можно месяц, морковку или снеговика; для настроения или от дурных снов – бабочку или птицу. А еще аккуратнее с фигурками животных – они отзеркаливают то окружение, которое будет у тебя в новом году.

– То есть если я повешу лису...?

– Встретится хитрый человек. Смотри еще, чем выше игрушка, тем больше у этого желания приоритета.

– Понятно. – сказала Милдред и повесила игрушку хохлатой синицы рядом с красным клестом, как можно выше и со стороны окна, вспоминая, что именно хохлатая синица является птицей-помощником Парси, а ее птица – это красный клест.

Вран обратил внимание, как они украшали елку и подумал, что вообще-то в этой коробке точно не было елочной игрушки красного клеста. Он помнил эту коробку, он помнил все игрушки с детства. Но потом до него дошло, чьих рук это примирение.

На столе Кайллик заметила капли крови, и хотела поближе рассмотреть, не показалось ли ей и как только она собиралась достать очки, из-за угла появилась Хейзел, наскоро протиравшая пятна, вслух ругая себя за то, что не получается у нее готовить аккуратно.

Рей достал своего младшего брата тем, чтобы открыть попробовать пиратский ром, но найдя себе тихоню Генри, он перестал доставать Врана, потому что Генри случайно наткнулся на этот ящик, и они с Реем под предлогом осмотреть

реставрацию дома, скрылись вместе с ромом.

– Странно... Здесь был мой любимый коврик. Вы его убрали? – спросила удивленно Кайллих, надев очки.

Вран замешкался, вспоминая сцены, где они прошлой ночью со старшим братом сбросили останки нечисти в незамерзающее болото:

– Ну мы вроде здесь... Это самое...

– Простите, это я прожгла его. – вмешалась Хейзел. – Я так хотела помочь ребятам подготовиться к сегодняшнему дню. Да вот руки не оттуда растут!

– Точнее мы вместе с Хейзел случайно прожгли. Прости, пожалуйста! Это ненарочно! – поддержал эту ложь Вран, у которого снова всплыли картинки вчерашнего позднего вечера, и как на этом ковре горела нечисть.

– Ладно. Хороший половичок. Был. – сказала опечаленная Кайллих, но потом быстро переключилась на поиски. – Где же Рей и Генри? Пора за стол садиться!

Вран взял Хейзел за руку и попросил отойти с ним на улицу. За окном сказочно падал снег – настоящая погода, о ко-

торой можно было только мечтать в Рождество. Жаль, что только приходилось бы чистить дорожки, так как все кругом замело.

– Почему ты весь вечер покрываешь нас? Ты что-то знаешь?

– В мире происходит столько плохого, и это так важно быть вместе и никогда не ссориться из-за ерунды. – повторила она уже сказанную ранее фразу.

Вспомнив, что она это уже говорила, он посмотрел в окно и видел, как Парси и Милдред нормально общаются; помирившись, Кайллик и Джек дружно накрывали на стол и она с упоением рассказывала что-то; а старший брат нашел в Генри отличного собеседника. Все они напоминали одну большую дружную семью.

-Ты права. – сказал Вран, улыбнувшись Хейзел.

Хотела бы она слышать это чаще.

– Да, я все знаю. Вчера я ходила во сне и что-то запомнила. – призналась Хейзел. Я никому не скажу. Хочешь, взамен расскажу тоже один секрет, о котором никто не знает? Например, в последнее время я не всегда хожу во сне. Пус-

кай сплю, но я встаю и рисую в этом состоянии то, что потом сбывается. Но не все. Знаешь, почему? Я сжигаю рисунки с плохим содержанием в камине, и этого не происходит: будто в нужный момент человек принимает другое решение и следует другим путем. Поэтому я всегда знаю, что со мной все будет хорошо. Плохое я сожгла. Я нашла способ правильно это использовать.

– Я так понимаю, ты не только на свою реальность влияла... – удивился Вран после паузы.

– Я никому не расскажу, если ты никому не расскажешь. – ответила она, хитро улыбаясь и возвращаясь в дом.

– Обещаю. И ты обещай держаться света, оставляя только хорошее. Ладно?

– Постараюсь. – они вернулись в тепло, когда все уже усаживались за стол.

Остался только Рей. Он неожиданно вспомнил о посылке – осколке звезды в банке, которую подарил парень из больницы, прилетев с другой планеты. Будучи в хорошем расположении духа, Рей решил сам загадать желание. В те дни больница опустела, а все потому, что каждого отпустили на Рождество домой. Все дежурства были отменены, и пациен-

ты получили добро на выписку. Каждый заслуживает встретить Рождество в семье, как и пожелал Рей.

Какой бы ни был сезон, атмосферу создают люди и никогда нельзя терять свое внутреннее солнце. Самая чудесная магия – это доброта и терпимость друг к другу, что бы не происходило ни на сердце, ни за окном.